75 коп. Индекс 70448.

ISSN 0130-2671

КРОКОДИЛ

№ 14 МАЙ 1991

Весь этот номер оформил художник Леонид НАСЫРОВ, а фото любезно предоставил Борис МЯГКОВ.

МАСТЕР судьба смеха

Есть такое выражение, мне лично оно не нравится: «человек трудной судьбы». Что-то в нем уклончивое. Выражение это часто повторяется, стало своеобразной поговоркой-недоговоркой. Не то чтобы человек сидел, шагал по этапу, был на лесоповале. Не то чтобы вытерпел черт знает что — и притом совершенно ни за что ни про что. Униженный, замученный, чудом выживший...

И — ну, словом, вы понимаете — «человек трудной судьбы».

А по-моему, лучше всего сказать просто — советский писатель, и главное уже сказано. А если еще выразиться так: на редкость талантливый, самобытный советский писатель,— тут уж и каждому понятно: беды не миновать; как бы ни сложилась биография на редкость талантливого — покоя нет, покой ему только снится.

Так вот, чтобы все основное было ясно до конца: великий советский сатирик — прозаик, драматург, фельетонист — Михаил Афанасьевич Булгаков родился в 1891 г. в Киеве и окончил свою жизнь в 1940 г. в Москве.

Профессорская семья. Культура. Любовь к чтению. Выше всего ценили юмор. И... Чехова.

Константин Паустовский:

«Семья Булгаковых была хорошо известна в Киеве — огромная, разветвленная, интеллигентная семья.

Было в этой семье что-то чеховское от «Трех сестер» и что-то театральное».

Свидетельство родственницы писателя:

«В доме у нас все время звучала музыка и — смех, смех, смех».

Весело начиналась жизнь Михаила Афанасьевича.

С 1920 г. он, служитель медицины, полностью отдается литературе. Его первый роман, «Белая гвардия», превращенный в пьесу «Дни Турбиных», вызывает ожесточенные споры: речь идет о судьбах белогвардейцев; для писателя они прежде всего люди, для его рецензентов — прежде всего враги. Автора этих произведений, популярной комедии «Зойкина квартира» и др. упрекают во многих идейных грехах. Но, пожалуй, самые серьезные нападки на Булгакова начались с появлением двух повестей — «Дьяволиада» (1924) и «Роковые яйца» (1925). Тогда же, в 1925 г., создается повесть «Собачье сердце» (с подзаголовком «Чудовищная история»). При жизни автора не публиковалась. За несколько лет, с 1987 г., когда «Собачье сердце» впервые увидело свет у нас («Знамя» № 6), повесть так широко распространилась, что, кажется, известна читателям и зрителям долгие годы.

Итак, середина двадцатых годов, три повести — «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце (Чудовищная история)». У каждой из них — самостоятельный сюжет. Однако незримый общий дух — грозный и одновременно странно и жутковато подмигивающий — носится по страницам. И не случайна перекличка таких слов: «дьяволиада», «роковые», «чудовищная». Мы ощущаем атмосферу пугающей неразгаданности современной жизни. И в то же время все странно и причудливо перемешано с сатирически точной, резко подчеркнутой манерой в описании быта, унылого существования современных автору мелких чиновников и обывателей. Одно только слово «дьяволиада» не могло не насторожить и не возмутить официальных, да и доброхотных внештатных блюстителей «порядка» в литературе. «Для Булгакова,— писал один из сторонников истинно советской законопослушности,— наш быт — это действительно фантастическая дьяволиада, в условиях которой он не может существовать...» Мораль? Рецензируемый автор (так и напрашивается опечатка — «репрессированный автор». — З. П.) — существо, которое вообще не приживается к нашей жизни. Это что-то чужеродное, потенциально враждебное.

Что же могла сказать, вернее, возопить официальная критика по поводу повести «Роковые яйца»? Вы только подумайте! Нет — лучше послушайте! Вместо того, чтобы поведать о «наших достижениях» (как метко выразится М. Горький), автор сочиняет... И что же?

Что в самом деле происходит в повести «Роковые яйца»? Говоря проще, что «рокового» в этих «яйцах»?

В повести два главных героя — профессор Персиков, великий ученый, и неутомимый Рокк. О нем можно сказать, что перед нами не просто действующее лицо, а неугомонный, стихийный, спонтанный — не хватает слов! — деятель.

Персиков — как сказано — великий ученый. Его область — зоология, эмбриология, анатомия, ботаника и география. Все, что за пределами этих наук, для него как бы не существует. Он мог бы сказать о себе: я ученый, и все остальное мне чуждо. У Персикова много странностей, но все это в пределах правдоподобия. И вдруг в повествование врывается бурная фантастика. Профессор открывает совершенно необычайный луч, похожий на «красный оголенный меч». Под воздействием луча зародыши, микроорганизмы начинают развиваться с молниеносной быстротой. Сенсационное открытие представляет не только теоретический интерес — оно много сулит для хозяйства, для животноводства. Персиков становится героем дня, его атакуют корреспонденты, наши и зарубежные.

И вот среди посетителей профессора оказывается некто Александр Семенович Рокк. Это человек тоже замечательный, но совсем в другом смысле. По профессии он флейтист. «Но великий 1917 год, переломивший карьеру многих людей, и Александра Семеновича повел по новым путям». О том, что он делал дальше, сменив флейту на маузер, подробно не говорится. Его долго швыряло по стране, он занимался делами, ничего общего не имевшими с тем, что он, флейтист, умел. Теперь, в 1928 году, он возглавил совхоз. Услышав о массовом падеже кур, Рокк решает при помощи луча Персикова кур возродить.

В далеком 1924-м, когда написана повесть, году Булгаков разглядел тот тип человека, с которым мы так часто сталкивались в последующие и в наши годы. Сегодня он руководит животноводством, а завтра его, погубившего скот — от мелкого до крупного рогатого, бросают на искусство, и он не теряется, увлеченно берется за очередное незнакомое ему дело — спускает указания, поучает тех, кто действительно владеет своей профессией.

Есть пословица: семь раз отмерь, один раз отрежь. Рокк и ему подобные предпочитают поступать наоборот — сперва семь раз режут, а потом создают специальную комиссию по перемериванию.

Перед нами невежда, наделенный мрачными фантазиями. Все ему не так, все требует переделки, всякое развитие нуждается в ускорении, в воздействии извне. Есть, допустим, пшеница. Так этого мало. Он сочиняет новый сорт — ветвистой пшеницы, чтобы самую природу посрамить. И ничего, конечно, не получается. Но он не унывает — на его стороне Кремль, Сталин, ему, как и Рокку в «Роковых яйцах», обеспечена мощная поддержка свыше. Профессору Персикову официально приказано отдать на время камеру с лучом Рокку; телефонный голос «оттуда» настаивает, и Персиков заявляет: «Я умываю руки».

По ошибке, из-за какого-то головотяпства, куриные яйца, которые заказал Рокк, попадают к профессору, а те, что заказывал Персиков — змеиные и страусиные яйца,— оказываются у Рокка. Этот авантюрист, верховод-куровод неожиданно выводит при помощи луча породу гигантских, злобных, смертоносных змей. Начинается их гибельное нашествие.

Вот как описана внешность неугомонного Рокка:

«Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями».

Не просто на мир смотрит Рокк, а на ВЕСЬ мир — меньшего ему не надо. Он охвачен одной идеей — все перекраивать «до основанья, а затем»...

Написанная после повести «Роковые яйца» история о собаке, которую профессор Преображенский «преображает» в человека («Собачье сердце»), тоже может быть названа повестью-предупреждением. Ученый понял, что и в жизни, и в науке надо двигаться осторожно, «идти ощупью и параллельно с природой».

Но развитие нашего общества пошло по другому пути. Природа была атакована со всех сторон. Зазвучал победный клич: «Не ждать милостей от природы, взять их — наша задача». В результате природа дошла у нас уже до такого состояния, что сегодня вся, в целом должна быть занесена в «Красную книгу».

Характерно: у Булгакова и Маяковского были напряженные отношения, проступали резкие разногласия.

Автор «Левого марша» призывал: «Клячу истории загоним», в «Нашем марше» отстаивал: «Мы разливом второго потопа перемоем миров города».

Булгакова всегда настораживали подобные требования «разливов» и «перемывов».

Надо сказать, что во многих работах вопрос об отношении русской литературы XIX—XX вв. и революции решался прямолинейно, старательно упрощенно. Все, мол, гиганты пера — потенциальные революционеры. А между тем три крупнейших русских писателя конца прошлого века — Достоевский, Толстой, Чехов — выступали против идеи революционного насилия. Михаил Булгаков, несомненно, в этом ряду художников-мыслителей.

Самым крамольным в его творчестве были для литературных идей тех лет не прямые политические выпады, а скорее спокойное, невозмутимое, скептическое отношение к проповедникам насилия под эмблемой «молоткастого», «серпастого» паспорта. Хлопотунам, убежденным, что начать дело — значит обязательно уничтожить все, что было до него.

Булгаков-сатирик больше иронизирует, чем бичует и язвит. Вот, например, он говорит о трудностях в работе профессора Персикова в годы социальной «кутерьмы», лишений, полной бескормицы. Ему для научных опытов нужны тараканы, а они «куда-то провалились, показав свое злостное отношение к военному коммунизму».

Истинно булгаковская шутка: писатель любит сталкивать понятия и категории совершенно разных рядов, как будто не подходящих для сопоставления. То, что в наше время, когда начинают утверждаться гласность, свобода слова, кажется уже не столь устращающим, в 20—30-е годы казалось «вольной или невольной» вражеской проповедью. И сразу появлялись редакторские, цензурные, начальственные вопросительные знаки, запретительные надписи.

Впрочем, и наше время, как любят сегодня говорить, далеко не однозначно. Это хорошо выражено в шутке Вл. Владина: «Плюрализм нам нужен, тут не может быть двух мнений».

Если говорить о судьбе смеха в булгаковскую пору, следует учитывать такое обстоятельство. Партия всегда учила, что сатира нам нужна, она неотъемлемая часть критики и самокритики. Это во-первых. А во-вторых, каждого, кто воспринимал это указание свыше всерьез, ничего хорошего не ждало. Самое смелое в произведениях сатирика и зарезáлось на редакторском столе, похожем на операционный. Так что можно было бы сказать, что смелость сатирика нужна была власти «до зарезу».

Интересно, что замечательный памятник Гоголю в Москве работы скульптора Н. А. Андреева был увезен с площади неподалеку во двор, а на его место был водружен монумент какому-то бодрому гражданину, выдававшему себя за Гоголя. Он — конечно, уже не сидящий, а гордо стоящий — вполне годился бы украшать какой-нибудь павильон ВДНХ.

Если вспомнить судьбу одного из самых больших наших сатириков, Михаила Зощенко, то можно смело сказать: он стал подвергаться нападкам «руководящей критики» почти сразу, как только начал писать.

Партийно-правительственный разгром и «разоблачение» его как идейного врага, «подонка» — все это не было полной неожиданностью, а скорее увенчивало многолетнюю — то утихавшую, то нараставшую снова — эпопею травли Михаила Зощенко как «не нашего» писателя, сатирика-клеветника.

В его «Голубой книге» (1934—1935) читаем:

«Автор «Робинзона Крузо» Дефо за сатирическую статью был (1703 год) приговорен к тюремному заключению. Сутки он провел, привязанный к позорному столбу на площади. Проходящие обязаны были в него плевать».

Думал ли Зощенко и о себе, рассказывая о Дефо? Дальше он пишет о «бедняге»: «Воображаем его бешенство, когда в него плевали. Ой, я бы не знаю что сделал!»

Из советских сатириков, вероятно, не один только Зощенко мысленно примерял себя к официально установленному «позорному столбу».

Хорошо бы издать большую книгу «История советской сатиры». Только не забыть бы приписать подзаголовок: «Хождение по мукам».

Биографии многих сатириков напоминают старинные повествования о злоключениях, мытарствах страждущих героев. И тут хочется сказать о тех, кто особенно мужественно вел себя по отношению к пострадавшим собратьям-писателям.

Когда был арестован, а потом сослан в Воронеж Осип Мандельштам, его верный друг Анна Андреевна Ахматова не побоялась посетить его в Воронеже. Она рисковала многим. Не только своей личной судьбой, но и судьбой сына, в ту пору находившегося в заключении.

Чашу страданий Мандельштама до дна испила его жена и спутница Надежда Яковлевна — ей мы обязаны спасением многих стихов поэта.

В октябре 1933 г. был сослан на три года в Енисейск Николай Робертович Эрдман, друг Булгакова, автор сатирических пьес «Мандат» и «Самоубийца». По истечении срока ссылки его на волю не выпускали, он находился в Калинине.

4 февраля 1938 г. Михаил Булгаков обратился с письмом к Сталину с просьбой — «чтобы Н. Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения».

Как верно отмечает В. В. Гудкова, комментирующая эти строки, они — «не только о судьбе Эрдмана, но и самого Булгакова, косвенное напоминание о ней». Здесь же сообщается о записи в дневнике жены писателя Елены Сергеевны от 5 августа: «У Николая — удручающее известие — отказано в возможности жить в Москве». Ходатайство одного опального драматурга за другого было отклонено.

Если пользоваться упомянутым выше стереотипом, тут он должен был бы звучать так: «Писатель мучительной судьбы». То, что это не преувеличение, подтверждается словами в письме Булгакова правительству СССР от 18 марта 1930 г.: «Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к правительству СССР с письмом правдивым».

Вспомним еще рассказ Зощенко об авторе «Робинзона Крузо», которого оплевывала публика у позорного столба за сатирическую статью. А теперь почитаем, как начинает автор свое письмо правительству. Он говорит, что в альбоме вырезок обнаружил в советской прессе 301 отзыв о себе, из них похвальных — 3, враждебно-ругательных — 298. Писатель приводит примеры: письмо «О Булгакове, который чем был, тем и останется — новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы», «писатель в залежалом мусоре шарит», и мн. др.

Писатель не собирается вступать в полемику с «оппонентами». Он заявляет: критика, с необыкновенной яростью доказывающая, что его произведения в СССР не могут существовать, совершенно права. И показывает это на примере своей пьесы-памфлета «Багровый остров», которую критика не только обозвала «бездарной, беззубой, убогой», но и квалифицировала как «пасквиль на революцию».

В письме Булгакова правительству СССР мы читаем строки, которые бесстрашно звучали тогда, в 1930 году, когда Сталин и вся его рать завинчивали все возможные и невозможные гайки. Вместе с тем злободневно воспринимаются они и сегодня, когда столько еще у нас радетелей цензуры, зажима, все решающей редакторской воли и своеволия.

Булгаков пишет:

«Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой власти она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода».

Обруганный, униженный и верховным начальством, и «собратьями» по перу, вытолкнутый за рамки литературы (похожие на государственные границы), мастер разговаривает с правительством достойно, прямо, откровенно. О том, что приводит в неистовство его врагов, он говорит как о том, что для него единственно возможное. В каждой строчке он остается самим собой. Великий сатирик, он шутит даже в момент, когда решается его жизненная и творческая судьба. Свое послание правительству он пишет не так, как пишут послания Правительству, а как он пишет, если уж его довели до такой надобности. И как остроумно выглядит уподобление писателя, отрекающегося от свободы, «рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода». Здесь все смешно — и то, что писатель вдруг уподоблен немой рыбе, и то, что эта немая рыба вдруг заговорила, даже стала «публично уверять». Как на литературном диспуте.

Иногда приходится слышать: а в общем, Сталин отнесся к Булгакову сравнительно милостиво — дал возможность работать в Художественном театре.

Вспоминается старый анекдот: «Сидит вождь и бреется. Ребенок его спрашивает: «Что ты делаешь?» Вождь отвечает: «Бреюсь...» Какой человек! А ведь мог бы зарезать!»

Булгаков стал работать режиссером в Художественном театре. Сталин «помог». Но с этого момента ни одну свою работу Булгаков в печати не увидел (не считая двух мелочей).

... А ведь мог бы зарезать...

Вождь ответил на шутку с писателем и рыбой тем, что в самой действительности уподобил писателя немой рыбе.

Однако в споре поэзии и власти последнее слово — за поэзией.

Осип Мандельштам, еще один «писатель трудной судьбы», сказал:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

В приведенном письме правительству Булгаков говорит: «Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Так погибал Булгаков. Он снова вернулся к почти совсем сожженному роману о дьяволе — будущему «Мастеру и Маргарите». Это, наверное, главная книга его жизни. Его «Война и мир», точнее, «Добро и зло».

Если бы даже — фантастическая мысль — роман «Мастер и Маргарита» был бы напечатан при жизни писателя, автор все равно бы не увидел своего создания: в самом конце жизни он ослеп.

Впервые роман был опубликован у нас, в журнале «Москва» (1966, № 11, 1967, № 1). Великое спасибо, конечно, журналу, но редакция напечатала текст с большими и произвольными сокращениями.

Булгаков писал в своей автобиографии (1924): «...возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни».

Хочется сказать бедному и непреклонному Мастеру:

— Дорогой Михаил Афанасьевич, поздравляем Вас с первым столетием. Живите всегда. И простите нас...

З. ПАПЕРНЫЙ.

ФЕЛЬЕТОНЫ МИХАИЛА БУЛГАКОВА. 20-е ГОДЫ

Вначале немного статистики.

Активная литературная деятельность М. Булгакова укладывается в 20 лет — с 1919 по 1939 год. Фельетонов из 255 существующих «единиц» писательского творчества — 112. Напечатаны они под своим именем или под самыми причудливыми псевдонимами в основном в газете «Гудок» в 1923—1926 годах.

Не все эти «малые сатиры» равнозначны, многие написаны на злобу дня по корреспонденциям рабкоров, но в каждом из них присутствует хоть частичкой Булгаков — умный, ироничный, едкий.

Сейчас большинство этих фельетонов достаточно известны. Извлеченные из старых, пыльных газетных подшивок, они за последние 20 лет обрели вторую жизнь на страницах газет и журналов, входили в многочисленные булгаковские сборники, наконец, в наиболее полном виде представлены во втором томе 5-томного собрания сочинений писателя.

И все же туда включено далеко не все. Достаточно большое количество еще рассыпано по периодике 20-х годов, многое не републиковано, часть еще и не разыскана (в первую очередь — фельетоны владикавказского периода). Есть и обратные случаи: публикуется, например, цикл фельетонов в киевском журнале «Радуга» с вопрошающей шапкой «Не Булгаков ли это?». И оказывается, что действительно не Булгаков, что, видимо, и разрешило «терзания» текстолога-публикатора. А попытки приписать Булгакову чужие псевдонимы, а значит, и произведения?..

Но не будем углубляться в эту почти детективную стихию, а вернемся к самому Булгакову, представляя три его фельетона, пока не вошедших ни в собрания сочинений, ни в сборники*.

НЕ СВЫШЕ...

На ст. Бирюлево Ряз. Ур. ж.д. рабочие постановили не допускать торговли вином и пивом в кооперативе, в котором наблюдается кризис продуктов первой необходимости.

РАБКОР.

— Не хочу!

— Да ты глянь, какая рябиновая. Крепость не свыше, выпьешь половинку, закусишь, не будешь знать, где ты — на станции или в раю!

— Да не хочу я. Не желаю.

(Пауза.)

— Масло есть?

— Нету. Кризис.

— Тогда вот что... Сахарного песку отвесь.

— На следующей неделе будет...

— Крупчатка есть?

— Послезавтра получим.

— Так что ж у вас, чертей, есть?

— Ты поосторожней. Тут тебе кооператив. Чертей нету. А вот транспорт вин получили. Такие вина, что ахнешь. Государственных подвалов Азербайджанской республики. Автономные виноградники на Воробьевых горах в Москве. Не свыше! Херес, малага, портвейн, мадера, аликанте, шабли типа бордо, мускат, порто-франко, порторико... № 14...

— Что ты меня искушаешь? Фашист!

— Я тебя не искушаю. Для твоей же пользы говорю. Попробуй автономного портвейна. Намедни помощник начальника купил 3 бутылки, так крушение дрезины было.

— Что ты меня мучаешь?!.

— Красные столовые различных номеров. Сухие — белые, цинандали, напареули, мукузани, ореанда!..

— Перестань!

— Ай-даниль!

— Ну, я лучше пойду, ну тебя к богу.

— Постой! Рислинг, русская горькая, померанцевая, пиво мартовское, зубровка, абрау, портер...

— Ну дай, дай ты мне... Шут с тобой. Победил ты меня. Дай две бутылки рябиновой...

— Пиво полдюжины, завернуть?..

— Заверни, чтоб ты сдох.

* * *

— Эх! Эх! А дрова-то все осина!.. Эх!.. Не горят без керосина!.. Плачет Дунька у крыльца!.. Ламца-дрица!.. ца, ца!!!

— Ха-рош... Где ж ты так набрался?

— Ах... Ряби... ряби... би-би. В кипи... кипиративе...

* * *

— Граждане! Заявляю вам прямо... Нету больше моих сил. Плачу, а пью!.. Мукузани... Единственное средство — закрыть осиное гнездо!..

— Осиное!..

— Осиное гнездо с бутылками. Сахара нету, а почему в противовес московская малага есть? Позвольте вам сделать запрос: заместо подсолнечного предлагают цинандали — не свыше 1р. 60к. бутылка...

— Правильно!!

— Прекратить!

— В полной мере не допускать!

— Я — за!

— Секретарь, пиши резолюцию...

М. БУЛГАКОВ.

(«Гудок». 25.09.24).

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Уважаемый товарищ редактор!

Поместите мой скромный рассказ про японскую собаку-подарок.

Обслуживая поезд № 1 Чита—Москва, пришлось мне при ревизии его обнаружить замечательное присутствие собаки в поезде.

Именно: из Шанхая до Вены ехала австрийская гражданка, жена австрийского консула, находящегося в Японии, в международном вагоне и занимала в нем два места. Одно место № 10 для себя, а другое место № 9 для собачки.

Мне пришлось австрийскую гражданку оштрафовать на некоторую сумму за неимение на руках квитанции для собачки. Австрийская гражданка уплатила мне деньги.

Но меня очень заинтересовало, что это за такая собачка, которая едет в первом классе, а так как я ни на каком языке, кроме русского, не говорю, то мне пришлось прибегнуть к проводнику:

— Спроси, говорю, у нее, на какой предмет эта собачка?

Проводник поговорил с гражданкой на иностранных языках и отвечает:

— Собачка эта особенная, везет ее гражданка в подарок австрийскому министру иностранных дел, и заплатила она за собачку в Японии 1000 рублей золотом.

— А спроси, говорю, на какого черта министру иностранных дел такая дорогая собачка?

Он отвечает:

— Оказывается, у австрийского министра есть одна японская собачка-мужчина, а, оказывается, везет она ему собачку-даму.

— Ага, говорю.

И стал подсчитывать, во что же обошлась невеста-собачка. Тысяча рублей золотом в Японии, да билет первого класса международного вагона от Читы до Москвы 187 р. 34 к. Да еще дальше билеты. Кроме того, что собачка кушает? Оказывается: кормят ее на первое — бульон из птицы, на второе — манная каша, а на третье блюдо — заграничный шоколад.

— Почему, говорю, заграничный?

Оказывается, собачка заявила, что русского шоколада она жрать не будет! Заинтересовала меня собачка чрезвычайно. Одеяло у нее шелковое, подушка шелковая и, кроме того, есть платьица — несколько штук — и тоже все шелковые.

— А сапог она, спрашиваю, не носит?

— Не,— говорит проводник после иностранного языка,— оказывается, ходит босая.

— А если она, говорю, простудится по грязи?

А проводник мне отвечает:

— Глупый ты человек, разве она будет по грязи ходить? Она в автомобиле ездит.

— Как, говорю, маленький автомобиль собачий?

— Да нет,— говорит,— в обыкновенном автомобиле. Хозяйка ее на руках возит.

Ну тут я все узнал, поблагодарил проводника. Говорю, до свидания. Собачка — никакого на меня внимания.

А проводник говорит: «Она пролетариев не любит».

* * *

Пожалуйста, товарищ редактор, напечатайте мой правдивый рассказ про министерскую собаку, чтобы его прочитали все рабочие на нашем транспорте.

Железнодорожник.

Письмо железнодорожника списал, ничего не изменяя, Михаил БУЛГАКОВ.

(«Гудок». 4.12.24.)

РЕАЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА

4 января в Астрахани, в клубе водников имени Демьяна Бедного ставили пьесу «Кто виноват». По пьесе, одно из действующих лиц — купец — ограбляется шайкой грабителей. Исполнителя этой роли т. Чесалкина действительно ограбили на сцене, украв 180 рублей; был произведен массовый обыск среди артистов.

Рабкор БОЧКАРЁВ.

Перед спектаклем за кулисами фигура любителя Сватикова, играющего главную роль купца, до того мелькала всюду, что рябило в глазах.

— Братцы, не подведите! — стонал он, оплывая гримом, то в одну, то в другую дверь.— Прошу вас и даже умоляю как режиссер.

— Это место безусловный гвоздь,— говорил он через минуту, изловив помощника режиссера и цепляясь за его пуговицы,— когда я закричу «караул», пусть грабят понатуральней...

— Как в Художественном театре!..— шипел он в третью дверь.— Братцы, нажмите!

— Вы, товарищ, третьего экспроприатора играете? — заискивающе обратился Сватиков к мрачному типу, курившему у намалеванного дерева.— Так вы имейте в виду: рот мне без никаких зажимайте, я крепкий. Так естественнее выйдет.

Мрачный субъект ответил:

— Ладно!

И улыбнулся.

* * *

В зрительном зале парило, а со сцены почему-то несло погребом. Все пошло как следует. Занавес ни разу не застрял и со змеиным шипением дополз до краев.

Началась пьеса, играли дружно.

— Складно зашпаривают! — одобрил кто-то с галерки.

Выяснилось, что во втором акте будут стрелять, и все приятно взволновались.

* * *

Когда во втором акте на сцену ворвались в масках экспроприаторы и напали на купца Сватикова, зал одобрительно вздохнул. Лихие экспроприаторы ухватили Сватикова с урчанием, и, прежде чем он успел рявкнуть:

— Ка-ра...

...субъект в кепке зажал ему рот.

Остальные дружно кинулись шарить по карманам Сватикова. Субъект в кепке играл настолько реально, что даже сел верхом на Сватикова и сдавил ему глотку.

Представители закона ворвались на сцену с громкой стрельбой, и экспроприаторы скрылись.

Багровый сквозь грим Сватиков поднялся из лежачего положения в сидячее и несколько мгновений был совершенно неподвижен. Потом он полез в карман. Зал напряженно смотрел.

— Сво...— вдруг забормотал Сватиков,— сволочи! — вдруг рявкнул он громко.

— Здорово играет,— восторженно отозвались в зале.

— Карра-ул! Ограбили! — закричал Сватиков еще естественнее,— каторжники! 180 кровных рублей украли, сукины дети!..

И он взвился, как волчок.

— Ну, до чего ловко толстяк играет,— восторженно зашептал зал.

— Зовите милицию! Черт бы вас драл,— закричал Сватиков, обращая угасший взор куда-то за кулисы.

Гул изумления прошел по залу.

— Занавес... Занавес... Что случилось?! Пахом, давай занавес! — послышалось из суфлерской будки.

Публика в зале вдруг ахнула и кинулась к вешалкам.

* * *

— Не спешите, граждане, все успеете,— послышались у выхода театра вежливые милицейские голоса.— Сорокин, стань у этой двери. Иванов, беги в актерскую! Сидоров, спроси документ у этого в котиковом пальте... Гражданочка, не волнуйтесь... Гражданин, будьте сознательным, осадите назад!

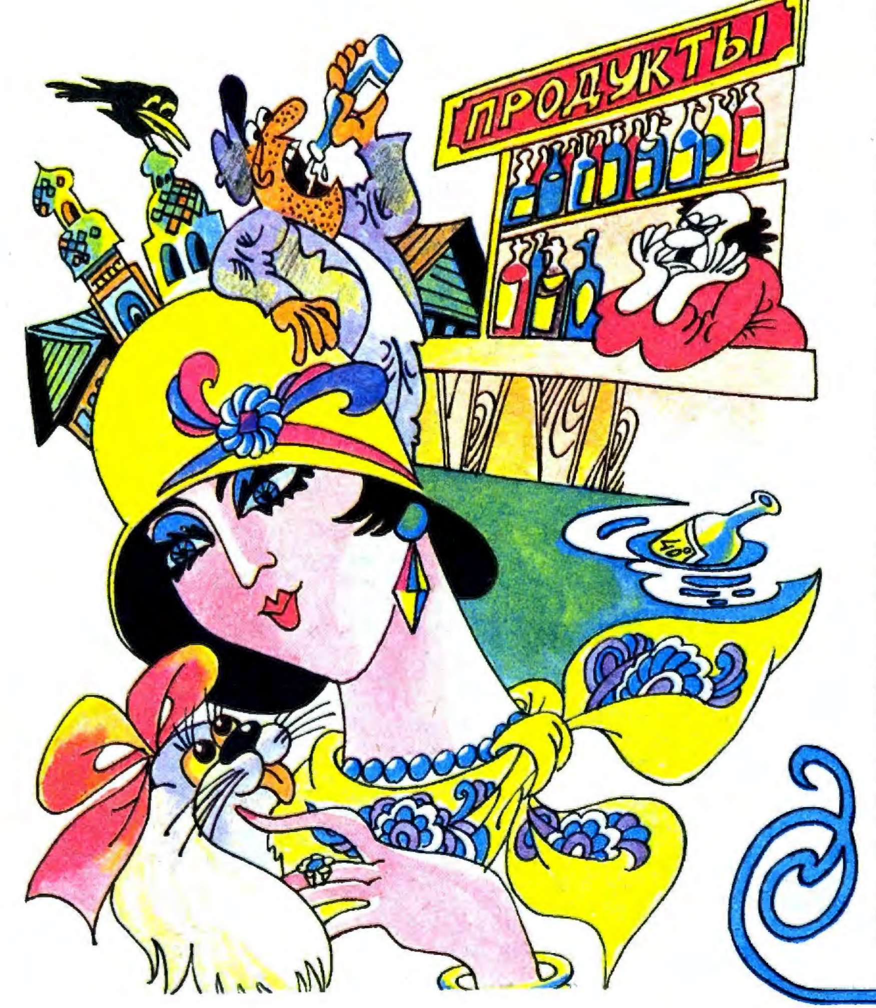
— Что случилось? Ах, ради бога!.. Пожар? — выкрикивали взволнованные женские голоса.

— Никаких пожаров... Прошу не сеять панику... Актера обокрали, который купца играл. При экспроприации у него всамделишных 180 рублей свистнули.

— Реальная постановка, как в Художественном! — волновалась публика, и все лезли в карманы за документами.

Любовь БУЛГАКОВА.

(«На вахте». 13.02.25).

Борис МЯГКОВ

НЕБОЛЬШОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ «КРАХМАЛЬНОЙ МАНИШКИ»

В конце 70-х, занимаясь републикацией фельетонов раннего Булгакова, я получил интересное свидетельство его тогдашнего коллеги В. П. Катаева: «Работая в «Гудке», Булгаков подписывал свои фельетоны, очень смешные и ядовитые,— «Крахмальная манишка». Несколько лет назад этот псевдоним приписывали мне, и один булгаковский фельетон попал в собрание моих сочинений. Думали, что «Крахмальная манишка» — это я...»

Что за недоразумение! Видно, маститого писателя подвела память. Во-первых, булгаковский фельетон попал не в собрание сочинений В. Катаева, а в его книгу «Горох в стенку», изданную в 1963 году.

Во-вторых, этот якобы катаевский фельетон — «Глав-полит-богослужение» впервые был напечатан в «Гудке» за подписью «М. Б.».

В-третьих, когда в 1922—1926 годах Булгаков и Катаев сотрудничали в «Гудке», там не прошло ни одного материала «Крахмальной манишки».

И вообще выяснилось, что этот озорной псевдоним, который, казалось, у всех на слуху, буквально неуловим.

Искал я его по огромному количеству сатирических изданий того периода. Искал достаточно долго. И наконец был вознагражден. «Крахмальная манишка» блистала под небольшим фельетоном, опубликованным в январе 1924 года в оригинальном издании, имеющем отношение к нашему журналу.

Москва, Январь 1924 г. № 1. Цена 10 червонных копеек.

ГАЗЕТА КРОКОДИЛА

Газета „Крокодила"—ни разу в Москве не выходила!

Жизнь экономическая, музыка симфоническая, фракция, группировка, спорт, котировка и все, о чем говорить неловко!

Сто обвиняемых! Тысяча подозреваемых!

И прочих, и прочих, и прочих врагов, крестьян и рабочих!

Вышел, видно, всего один (первый) номер.

Эта газета сохранилась едва ли не в единственном экземпляре в фондах Государственного Исторического музея (сообщено В. Бессоновым). А на 4-й странице и был напечатан фельетон

В «ОБЩЕСТВЕ И СВЕТЕ»

«Много бурного восторга и оживленных обменов мнений вызвала в избранном Сухаревском обществе пышная елка-раут, состоявшаяся в ночь с 25 на 26 сего декабря в апартаментах местной вдовы города Москвы, 47 лет, Дарьи Прохоровны Матюковой (4-я Мещанская, уг. Старой Божедомки. Если зайти во двор, то по правую руку деревянный флигель).

Пышная елка-раут, хоть и по новому стилю, тем не менее началась в шесть часов вечера непринужденным прибытием приглашенных. Среди гостей, имевших провести интимный семейный вечер Рождества Христова и тихо повеселиться, можно было наблюдать многих именитых особ, как торгового, так и духовного звания. А равно и один китаец.

Нужно констатировать, что все сливки общества были налицо. Явно выделялись изысканные туалеты дам и таковые же мужчин-кавалеров. А также четыре дюжины пива, не считая более крепких напитков, между прочим, собственного приготовления.

Вышеупомянутая хозяйка пышной елки-раут, вдова г. Москвы (полосатая кофточка с бретельками при зеленой юбке с треном), была присуждена королевой настоящего торжества, а также и впредь. Опять же принимая во внимание большой салонный оркестр с четырех граммофонов, который способствовал. И пиво. А также китаец. Этот сын Поднебесной Империи, имея производство кожаных ридикюлей и, между прочим, будучи женат на русской, отличался синим френчем при визиточных брюках клеш. И желтые штиблеты на ранте.

Но что приводило в состояние энтузиазма, то это отец Лука. Несмотря на духовный сан и лиловую рясу на малиновой подкладке, а также шелковый пояс, вышитый таковой же гвоздикой, отец Лука первый показал пример обращения к даме. И пивом. На что китаец возразил вполне вежливо, что религия здесь ни при чем, и которые любители, могут до чужих женщин не обращаться с двусмысленными предположениями. Чего означенный иерей не мог оставить без всяких последствий и, взяв в руки эмблему Рождества Господа нашего Иисуса Христа — пышную елку-раут, ударил означенной эмблемой сына Поднебесной Империи. И многочисленные свечи, которые обляпали китайский френч и визиточные брюки клеш.

Приближался полный апогей, тем более что один из граммофонов, исполнявший хор сибирских бродяг, на самом интересном месте был разрушен коротким спичем, который произнес преклонный старец и всеми уважаемый купец Козодоев (сюртук, манишка и серебряное пенсне). При составлении протокола гости держали себя с непринужденным достоинством.

А также остатки пышной елки-раут и граммофонной трубы — все честь честью по описи. И два самогонных аппарата, обнаруженные в чулане.

Дружеская беседа затянулась далеко за полночь.

КРАХМАЛЬНАЯ МАНИШКА».

На нахождении этого фельетона, или сатирического репортажа в духе уголовной хроники (жанр заметки не был обозначен), можно было бы успокоиться: настолько узнаваем в каждой фразе стиль Булгакова тех лет (читатель найдет ассоциации с «Похождениями Чичикова», «Китайской историей», «Зойкиной квартирой» и др.). Но для полной уверенности фельетон был показан В. П. Катаеву, который категорически отказался от авторства и подтвердил: его создателем вполне мог быть Михаил Булгаков. Что и требовалось доказать.

* Публикация Б. МЯГКОВА.

Глубокоуважаемый читатель, несомненно, помнит знаменитую печку, украшавшую квартиру Турбиных и, в свою очередь, украшенную хозяевами и их друзьями разнообразнейшими литературно-художественными произведениями «карманных» размеров. С 1918 года на вышеназванной части интерьера появилось много нового. Благодаря усилиям самоотверженных реставраторов обнажились доселе неизвестные образчики напечных жанров с булгаковских времен до наших дней. В такой последовательности мы и предлагаем их сегодня всеобщему вниманию.

Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки...
М. Булгаков «Белая Гвардия»

С. АЛЕКСЕЕВ

Булгаковская хроника

ЛЮБИТЕЛЯМ ШАХМАТ

По многочисленным просьбам читателей приводим дебют партии, сыгранной между Бегемотом и Фаготом. **Белые:** пешка е2—е4. **Черные:** король пик бьет 8 бубен. **Белые:** карамболь, два в лузе. **Черные:** «рыба» и потеря подач. **Белые:** проходят в дамки и выигрывают.

СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕСТВИЯ

Из оперсводок: среди задержанных участников митинга на Патриарших прудах в результате дознания было выявлено:
1. Дьяволов — 1 шт.
2. Ведьм — 16 шт..
3. Бесов — 24,5 шт.
4. Мелких бесов — 10 процентов от общего числа участников.

В связи с несанкционированностью митинга к задержанным применена нечистая сила.

ИЗ НЕДОШЕДШИХ ПИСЕМ

Уважаемый тов. Булгаков! Прочитал ваш роман и понял: мы с вами товарищи по несчастью. Моя жена тоже ведьма. По ночам она превращается в сову и нападает на меня, когда я тихой мышкой бегаю по полу...

Ваш Т. ВЕРЕВИН.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

6 июня в райжилуправлении будет проводиться приватизация Зойкиной квартиры. Всех претендующих просим подать заявления.

ДОМКОМ.

Печка заряжена
А. Чумак

ПЕЧЬ.
ПАМЯТНИК XX в.
ОХРАНЯЕТСЯ
ОТ
ГОСУДАРСТВА.

Я Бог! Я Наполеон! Я Александр Македонский!
Вчера мне присвоили звание прапорщика!!!
Прапорщик Колдыбенко.

Евг. ТАРАСОВ

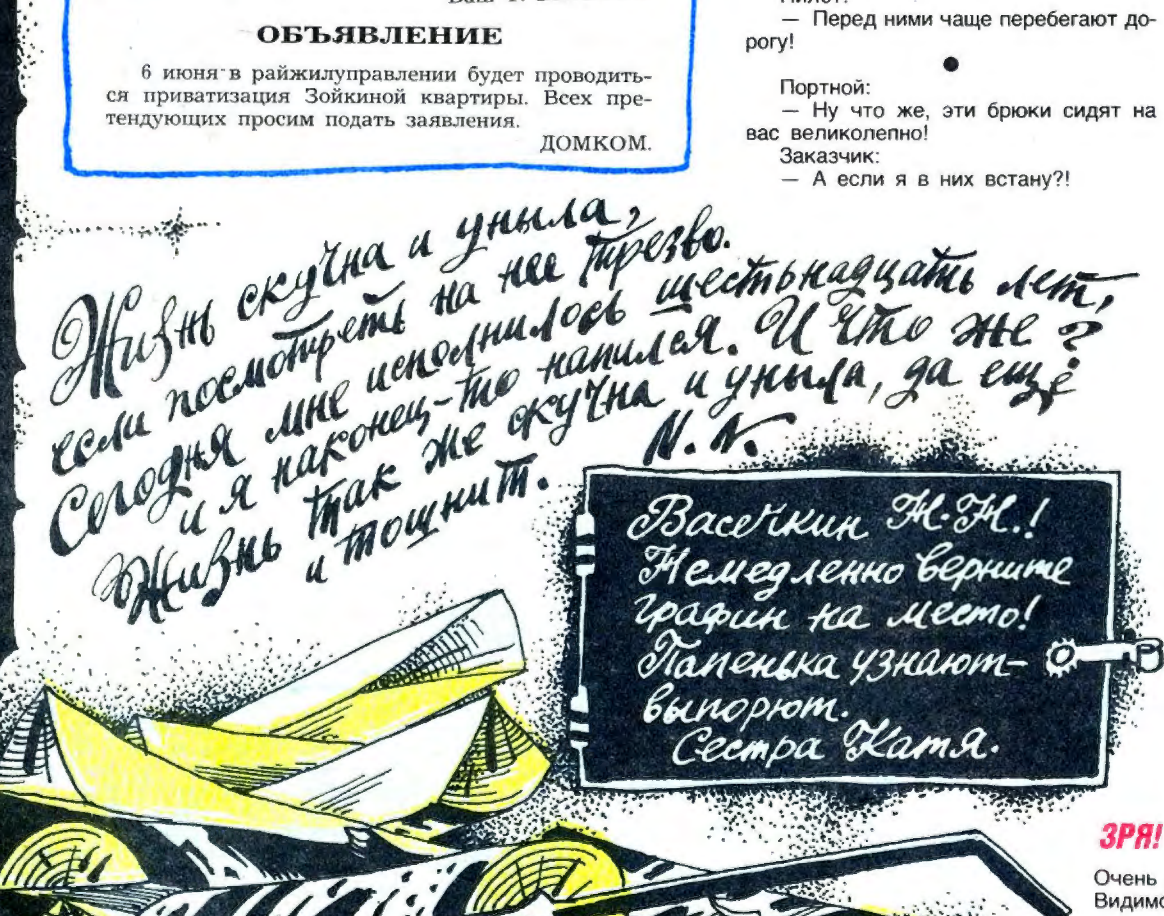
ДИАЛОГИКА

Водитель:
— И почему автомобили разбиваются чаще, чем самолеты?
Пилот:
— Перед ними чаще перебегают дорогу!

•

Портной:
— Ну что же, эти брюки сидят на вас великолепно!
Заказчик:
— А если я в них встану?!

Валерий ТИХОНОВ

ВОТ И ВСЯ РАЗНИЦА

Есть в горных птицах польза,
Нет в городских ее:
У первых из помета выходит мумиё.

ПРОСТОЙ ПРИМЕР

Объявят больному: «Будете жить»,
А с кем и когда — не объявят.
Зачем же больное ему ворошить?

* * *

Такая у нас медицина...

ЗНАЙ ВРЕМЯ

То, что спим чуть не полжизни,
Не тревожит никого.
А моргнул буквально глазом,
Тут же что-то проморгал.

P.S. А потом недосыпаешь,
Чтобы это наверстать.

ЗРЯ!

Очень редко в мышеловку попадают оцелоты.
Видимо, они не знают, для чего она нужна.

* * *

У людей так не бывает: чтоб не знал — и не совался.

Первая глава «Мастера и Маргариты» называется «Никогда не разговаривайте с неизвестными». Памятуя об этом совете, наш осторожный корреспондент решил поговорить с известным — и даже очень известным — артистом Вениамином Смеховым, исполнителем роли Воланда в спектакле Театра на Таганке.

Встреча с Воландом

— Вениамин Борисович, чуть перефразируя Булгакова: кто надоумил театр поставить спектакль на такую странную тему?

— Знаете, странным было бы, если бы у нас не было такого спектакля. Литературный театр, проза и поэзия на сцене (причем проза и поэзия «первой свежести») — это законная любимовская территория. Не случайно Таганка притягивала к себе хороших писателей: здесь всегда был и вкус к слову, и противостояние официозу. Так что булгаковский «Мастер» — это была «наша» вещь.

Когда в 1967 году впервые был опубликован роман, Любимов сразу схватился за идею спектакля. Он сразу схватился — ему сразу и запретили. В музее театра сохранились письма Любимова Фурцевой и другим «управляющим» советской культурой с просьбой разрешить постановку. Примерно в семьдесят втором году он предпринял вторую попытку. Приближалось десятилетие театра, и Юрий Петрович по всем законам межведомственной речи начал говорить начальству о необходимости постановки к юбилею программного спектакля «таганской школы». Начальство было не против программного спектакля, но кандидатура Булгакова у них не прошла. «Давайте вместе забудем, что это антисоветчина»,— как бы предлагал Любимов. «Не можем»,— честно отвечало начальство. Такой вот был диалог в подтексте. Но, видимо, Бог троицу действительно любит, потому что в 1975 году «Мастера» все-таки разрешили к постановке.

— «Ну что ж, люди как люди... и милосердие иногда стучится в их сердца...»

— Да, но разрешили очень оригинальным способом — не выделив под эту затею ни копейки денег...

— Негуманно требовать от Советской власти, чтобы она финансировала антисоветский спектакль.

— Ну какие там требования — и на том спасибо! Тем более что в театре на этих же условиях уже лежал эрдмановский «Самоубийца». Это такая форма удушения была: «Делайте бесплатно». В расчете на в общем-то справедливое соображение, что бесплатных костюмов и декораций не бывает. Но тогда же, в семьдесят пятом, в буфете театра состоялась читка пьесы... Ее написали для нас ныне покойный Владимир Дьячин вместе с Любимовым. Это была едва ли не самая удачная из инсценировок театра. Удалось соединить все нити романа, причем соединить компактно, не растянув действо, как в старом китайском театре, на пять вечеров. Получился театральный эквивалент великой прозы, и можно было начинать репетиции.

— Без декораций, без костюмов?

— Ну почему же...

И Смехов рассказал мне удивительную историю...

«Одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке,— говаривал Коровьев,— надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что ее прелестную прапрапраправнучку я по прошествии многих лет буду вести под руку в Москве...». Думаю, не меньше изумился бы и один французский комедиограф, живший в семнадцатом веке, если бы кто-нибудь сказал ему, что по прошествии многих лет в Москве актеры некоего театра сыграют в декорации его «Тартюфа» совсем другой спектакль другого автора. А если бы Мольер еще узнал, что автор этот, Михаил Афанасьевич Булгаков, написал о нем книгу... Нет, тут уж без чертовщины не обошлось!

Воистину «есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами»,— как справедливо замечал тот же глумливый регент-переводчик. На выручку не поставленному на государственное довольствие Булгакову, кроме Мольера, пришли Вильям Шекспир и Ежи Ставинский, Сергей Есенин и Владимир Маяковский. Знаменитый занавес из «Гамлета», огромный маятник из «Часа пик», кубы из «Послушайте!» и плаха из «Пугачева» стали вместе с золоченой рамой из «Тартюфа» декорацией булгаковского «Мастера» в Театре на Таганке. В ней спектакль играется и сегодня.

— Это очень советская история,— **подытожил Вениамин Смехов. Он сидит напротив меня, уже в черном костюме Воланда. Скоро третий звонок, но еще есть немного времени повспоминать.**

— Это так по-нашему: из плохого сделать хорошее, из ситуации запрета выйти более свободными, чем те, кто на свободе, выплыть — не благодаря, а вопреки! Собранные из разных спектаклей метафоры нашего художника Давида Боровского точно «легли» на булгаковский роман, создали какое-то совсем новое пространство.

Первый акт репетировал актер и режиссер нашего театра Александр Вилькин (репетировал, к слову, замечательно); потом к режиссерскому столику вышел Любимов. Я прилетел со съемок из Свердловска на третью, кажется, репетицию — и через двенадцать лет после «Доброго человека из Сезуана» снова зашлось от волнения сердце: это была та полузабытая, студийная атмосфера, эйфория общего дела. Булгаковский роман вернул нам молодость, как крем Азазелло.

— Личный вопрос. Что вы почувствовали, когда узнали о назначении на роль Воланда? Страшновато не было?

— Понимаете, у меня в то время был ледниковый период в отношениях с Любимовым. Вообще в зависимости от наших отношений он называет меня «Веня», «Вениамин Борисович» или просто в третьем лице — «Смехов». Так вот, в тот период он называл меня «Смехов», и я ждал в лучшем случае назначения на роль Ведущего: стоять сбоку и время от времени говорить в микрофон авторский текст. Назначение на Воланда меня потрясло. Мой читательский восторг намного превышал мои представления об актерских возможностях. К тому же Любимов — человек жесткий, предпочитающий ругать, а не хвалить. Предел похвалы у него: «Сегодня ты верно репетировал». Может, потому из нас что-то и получилось, что он нас талантливо ругал, а мы талантливо обижались... Но на «Мастере» Любимов снова стал нам отцом родным — как двенадцать лет назад, на «Добром человеке». Работалось в охотку, радостно как-то. Он все время оговаривался про Воланда: «Этот человек... то есть существо!» Я говорил: «Так он — оно?» Любимов махал на меня руками. Объяснить мне про Воланда он ничего не мог, зато показывал — поразительно!

9 апреля 1977 года мы сыграли спектакль комиссии по литературному наследию Булгакова. Это был молчаливый сговор интеллигентных людей. Они, конечно, не стали бы топить нас, даже если бы спектакль не понравился. Но он им понравился, и мы вышли на обсуждение «Мастера» Отделом культуры — вышли, заранее готовые к обычному медленному убийству: это убрать, это переделать, в общем, к сплошному «низ-зя».

— И они не обманули ожиданий?

— Да в том-то и дело! Впервые за четырнадцать лет существования театра спектакль был разрешен без пересдачи и без единой поправки!

— Фантастика...

— Не фантастика, а чертовщина.

...Когда профессор Вулис принес Елене Сергеевне Булгаковой свеженькие, из типографии, номера журнала «Москва» с напечатанным романом, она, по свидетельству профессора, опустилась на стул и тихо сказала:

— Это штучки Воланда.

Так что Смехов, наверное, прав: чертовщина.

— Имя Августа Зиновьевича Вулиса,— **продолжает рассказ Вениамин Смехов**,— по справедливости должно быть названо в булгаковскую годовщину. Это он в начале 60-х ходил вместе с Симоновым к Анатолию Софронову (удовольствие, как сами понимаете, ниже среднего), уговаривая того включить некий неизвестный роман сомнительного в политическом отношении автора в затеваемый многотомник русской сатиры — вместе, разумеется, с бессмертной софроновской комедией «Стряпуха». Но — не уговорил. Это он включил в свою монографию длинное рассуждение о мениппее (древнегреческая, кажется, литературная форма) — для того только, чтобы обильно процитировать еще не опубликованного в те годы «Мастера». И это он, наконец, взял у Елены Сергеевны рукопись романа, а вернул ей номера журнала «Москва», с которого и началась мировая булгаковская слава. (Кстати: и профессор, и фамилия на «вэ» — вас это не наводит на мысль?)

Ошарашив меня этим предположением, Смехов вышел из гримерки. Напомню, что разговор наш происходил во время спектакля «Мастер и Маргарита», поэтому мой собеседник время от времени уходил от разговора (на сцену). А у меня была возможность вспомнить, что не в первый раз я услышал о «штучках Воланда» применительно к роману, да и к самому Михаилу Афанасьевичу. В многочисленных воспоминаниях о писателе можно вычитать немало свидетельств о присутствии в его судьбе w-опеки.

— Ну а все-таки,— продолжал я пытать вернувшегося в гримерку Смехова — Воланда,— может, были и какие-нибудь материалистические причины того, что спектакль приняли с первого раза?

— Ну какие материалистические причины... Не знаю. Страна-то инфернальная. Поговаривали, что смягчился Зимянин... Может, хотели купить Любимова на пряник: ему дали в тот год орден к 60-летию, а нас впервые выпустили во Францию, аж на полтора месяца — тоже к 60-летию, но уже не Любимова, а Советской власти. Французы, кстати, очень просили привезти «Мастера», но нам разрешили играть только «Мать», «Гамлета» и «Десять дней», которые к тому времени уже никого потрясти не могли. Там, во Франции, Любимов и дал то знаменитое интервью «Юманите»: рассказал, кто и как руководит советской культурой, и пряники у Советской власти тут же кончились...

В очередной раз покинутый моим собеседником, я отправился вослед и поднялся на галерку, чтобы посмотреть на Воланда в действии. Но мне это не удалось: галерка, как и четырнадцать лет назад, была забита молодежью. Я стоял в темноте и слушал текст. Поразительное дело! Давно, как и многие в моем поколении, знаю его почти наизусть, а вот поди ж ты — испытываешь почти физическое наслаждение от каждого слова. И мне, признаться, показалось, что Воланд — Смехов испытывает схожие чувства.

«Никогда и ничего не просите... никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, сами все дадут».

— Да, конечно,— **согласился потом Вениамин Борисович**,— Любимов даже придирался ко мне на репетициях, мол, я произношу текст, как чтец-декламатор. Тогда я обижался, но сейчас понимаю его правоту. Приходится преодолевать библиофильское сладострастие. Как-то магически Булгаков слова расставлял. Знал «грибные места»...

Четырнадцать лет играет Таганка «Мастера и Маргариту», и четырнадцать лет загорается в финале вечный огонь перед булгаковским портретом. Впервые он зажегся в «Павших и живых» — спектакле, посвященном поэтам Великой Отечественной. В 1977 году павшие на той войне поделились своим огнем с опальным Мастером.

А сегодня на дворе девяносто первый, все переменилось (и не один раз), пришло и схлынуло несколько конъюнктур, а Булгаков все звучит, заставляя смеяться и тосковать. Множество его «братьев во литературе» если и не кануло в Лету, то только лишь потому, что травили Мастера («помянут меня, помянут и тебя»), и Страна Советов празднует его столетие («сегодня неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное»), и наши пилаты все не вспомнят за собой никакой особой вины («что же это с памятью, граждане? А?»)...

«Как я угадал, как я все угадал!»

С Воландом беседовал
В. ШЕНДЕРОВИЧ.

P. S. Кстати, о чертовщине. На встречу со Смеховым — Воландом я принес диктофон — но там же, в гримерной, диктофон, не приступая к работе, намертво вырубился. «Сели батарейки»,— подумал я. Стоит ли говорить, что он аккуратно заработал немедленно по возвращении домой.

Не смейтесь, у меня есть свидетели!

Иллюстрации к роману «Мастер и Маргарита».

ОЧКО

— Алло! Это говорит Елена Булгакова. Вы, кажется, хотели иметь «Прозу»? Заходите.

Через полчаса, в 21.00, я уже на Суворовском, и встречает меня, как всегда... сам Михаил Афанасьевич — прямо против входной двери портрет со смеющимися глазами. И сразу же — другой взгляд, как бы ожидающий удара и одновременно изысканно-капризный. И вот я уже держу в руках синий заветный том с драгоценной надписью: «Юре Мочалову с большой симпатией. Елена Булгакова. 21 декабря 1966». С тех пор на четверть века число 21, очко, стало для меня булгаковским.

— Что я могу сделать для вас, Елена Сергеевна?

— Вот что... добудьте елку, если не трудно.

Захотелось достать такую... Тридцатого в 21 час я вволок на Суворовский вполне номенклатурное синее дерево.

— Это вы утащили с Кра...

— Во всяком случае, под цвет переплета.

Наступивший 67-й был для меня не из веселых. 8 миллионов москвичей вступили в сговор, дружно решив не признавать во мне режиссера. Это я читал на лицах прохожих — незнакомых и знакомых. Елены Сергеевны, правда, в их числе не было. Она охотно давала мне пьесы, мало кому тогда известные, собственноручной переписки на бесшумной булгаковской машинке. И прочтя все, я дал слово поставить «Багровый остров», «Зойкину квартиру» и «Полоумного Журдена».

— Ну, «Багровый» не пробьете. Брежнев не Дубчек. Кстати, зовут в Чехословакию посмотреть спектакль. Надо бы съездить, пока не поздно. (Как в воду глядела!) «Зойкина»? У нас ведь делают вид, будто нет «Зойкиных квартир». А они есть! (Через несколько лет я узнаю, что есть не только квартиры, но и сама...) А вот «Полоумный Журден»...

Сердце чувствовало, что в обширном Отечестве есть только один город, один театр, где... Но надежд было мало. И уныние мое достигло низшей отметки в канун следующего, 68-го. Говорят, лучше не встречать Новый год в дороге, но мне было все равно. Посмотрев в кино «Ричарда III» с Оливье, я пошел бродить по улицам с бутылкой сухого в кармане, решив: встречу Новый год там, где он встретит меня. И, честное слово, не нарочно — это случилось на Патриарших. «Самое место»,— подумал я, оглядывая аккуратный квадрат пруда и домов.

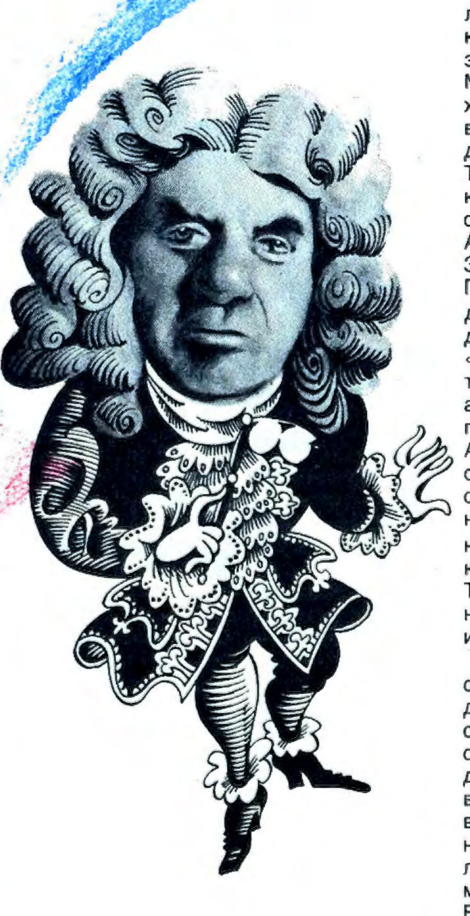
Не вполне доверяя часам, я рассудил, что сквозь стекла так или иначе донесется новогоднее «ура». Присел на скамейку, откупорил бутылку в нескольких шагах от того места, где Аннушка пролила масло. Трамваев на Патриарших я не помню, но на Бульварном кольце трамвай «Аннушку» еще застал. Застал и Аннушек-домработниц. В нашей профессорской коммуналке таковых в общей кухне толклось четыре, и подсолнечное масло они называли постным.

Ни души не было на Патриарших, но все дышало еще свежей публикацией «Мастера». А мне тем более повезло. Как-никак, мы говорили с Еленой Сергеевной по телефону, когда ей в дверь позвонили, и она, чуть дрогнув голосом, сказала: «Принесли «Мастера и Маргариту». Этого часа я ждала тридцать лет. Представляете себе?..»

И вот оно долетело, еле слышное первое «ура» 1968-го... А через две недели я получил радостнейшую в моей жизни телеграмму — предложили возглавить знаменитый по тем временам Красноярский ТЮЗ. И 21 января я в пять утра я шагал по двухкилометровому енисейскому мосту. Потом мне объяснили, что это было небезопасно: есть один аттракцион, называется «Интересно, как булькнет...». Но я отделался отмороженным носом — в первый и последний раз: лучи московской оттепели 60-х еще несколько лет согревали этот суровый и веселый сибирский город.

В Москве перед отъездом я, конечно, побывал у Елены Сергеевны, показал эскизы «Журдена». А Елена Сергеевна рассказала мне историю рождения пьесы, которую надо бы обнародовать.

В первые дни их семейного счастья Булгаков работал над романом о Мольере. Весь был в том мире, в той эпохе. Писателя навестил предельно грустный Осип Наумович Абдулов. Артист жаловался, что нет ни пьес, ни ролей. И когда, прихрамывая, гость удалился, Булгакова осенило: ведь Бежар, правая рука Мольера, тоже хромал... Вскоре новобрачные отправились в свадебное путешествие, и находящийся на вершине счастья Михаил Афанасьевич за четыре дня продиктовал Елене Сергеевне пьесу. Уверен, что всем, кто вслед за нами ставил эту искрометную «мольериану», передавалось чувство ослепительного счастья Булгакова в эти четыре дня...

Кстати, я спросил Елену Сергеевну о прологе.

— Пролог надо играть в современных костюмах.

— Но ведь у Булгакова актеры Мольера...

— Нелепо из Мольера переодеваться в Мольера!

И это жесткое замечание Маргариты поперек ремарки Мастера осталось для меня уроком: лучшая память большим людям не трусливый буквализм, а здравый смысл и оправданная смелость.

Премьеру сыграли 21 марта, а в мае путешествовали с ней по Крыму. Площадки попадались разные. На одной «курсцене» не вмещался игровой станок, и все смонтировали сикось-накось. Эффект был более чем неожиданным: актеры все время путали текст! От спектакля к спектаклю мы убеждались в универсальности булгаковского юмора среди взрослых и детей. 21 мая (есть стенограмма) в Ялте, в Чеховском театре, «Журдена» смотрели и обсуждали писатели. И прежде всего близкий друг Булгакова С. А. Ермолинский. С ним Мариэтта Шагинян и еще многие... Арбузов сказал, что не смеялся так никогда в жизни. В тот момент я понял, что действительно — очко!.. Оттуда повезли спектакль в Киев, через год — в Харьков. Еще через год, в сентябре 70-го, могли бы показать в Ленинграде, в том числе и Елене Сергеевне (собиралась!), но, во-первых, нашлась в минкульте дама, которая не поленилась подсунуть Фурцевой приказ, запрещающий спектакль на том основании, что-де безнравственно тюзам играть «Журдена» (хоть мы тогда и были в единственном числе). Это были последние раскаты антибулгаковского грома, хоть дама и теперь, спустя 21 год, блюдет детскую нравственность на том же посту. Во-вторых, в том же сентябре 70-го Елены Сергеевны не стало.

Вернувшись в Москву с «Зойкиной квартирой», лет пятнадцать я обивал пороги руководящих ведомств. Кое-что пытался сделать один из руководителей тогдашнего московского главка культуры — Владимир Иосифович Розов, вскоре назначенный директором Московского театра оперетты... Тогда же, в 70-е, мне посчастливилось составить еще одно памятное знакомство, даже дружбу,— с Анной Васильевной Тимиревой, гражданской женой Колчака, после всех скитаний по Красноярскому краю мирно жившей на Плющихе. Анна Васильевна приятельствовала с... Зоей! Да, да! Булгаков имени не менял! По словам Анны Васильевны, это была давно остепенившаяся, почтенная дама, умный, интересный собеседник. «И вовсе не было у меня никакой квартиры!» — со смехом говорила она, а в голосе звучали черти. Как-то, отправляясь к Зое (отчества не помню), Анна Васильевна предложила мне составить компанию, и я, представьте себе, не смог. И — не успел. А в 75-м не стало и Анны Васильевны. Оплошность моя оказалась роковой. Булгаковский мир таких вещей не прощает. Так и не удалось мне поставить «Зойкину квартиру». Никогда. А теперь уже ее играет чуть не вся страна.

Примерно в это время с моим телефоном началась вполне булгаковская дьяволиада. Четко прослушивались одни и те же голоса, то и дело звучало слово «оперетта». Я пытался до них докричаться, но тщетно. Обратился в бюро ремонта, после чего прослушивание стало обоюдным. Теперь объясниться не составляло труда. Выяснилось, что меня склеили с давнишним моим знакомым, директором Оперетты В. И. Розовым. Так мы начали дружить семьями по телефону, невольно посвящая друг друга в мельчайшие подробности своего быта.

— Когда же это кончится, Владимир Иосифович? — спрашивал я, не набирая номера.— Вы все-таки депутат, шишка. Примите меры!

Но надо знать режим жизни директора музыкального театра с коллективом в 690 человек. Наконец я написал письмо министру связи, и вот оно-то (в отличие от этого очерка) было выдержано в чисто крокодильских тонах. Поднялся страшный переполох. Между нашими домами вскрыли асфальт, раскопали кабель. Но таким образом не закончилась, а только началась новая булгаковская история.

Напомню, что пьеса-памфлет «Багровый остров» была написана в 1927 году. Через год в Камерном театре подготовили спектакль, запрещенный на генеральной: «По форме — пародия на театр, по существу — пасквиль на революцию». И эта чугунная формулировка висела над пьесой следующие 60 лет. В 1988-м памфлет напечатали. Даже невооруженным глазом можно было разглядеть, что он прямо-таки просится на сцену театра музыкальной комедии... Началось сотрудничество с композитором Ю. Тугариновым и поэтом Н. Грачевой. 21 сентября 1988-го худсовет дал работе старт. 21 мая 1989-го на сцену Театра оперетты вышли все двести ее участников.

«Сильный у вас коллектив, сильный!» — звучит в пьесе близ финала, а как не отнести это к отнюдь не процветающему сегодня Московскому театру оперетты!

Вспоминаются репетиции... В пьесе есть три маленькие роли: царь Сизи-Бузи, положительные туземцы-бунтари Кай-Кум и Фарра-Тёте. Для нас эти рольки были замечательны тем, что стоило только назначить актера на одну из них, он обнаруживал поистине блестящие способности и шел на повышение. Так были исчерпаны, как говорят в театре, все «штаны». Творческий голод же среди женского состава — величина постоянная. И нам ничего не оставалось, как изменить либретто и переделать Сизи-Бузи... в мужскую роль для женщины.

Что же касается «туземцев-бунтарей»... Странные имена, правда? В конце спектакля им, победившим, хор поет славу. Ура-ура, взяли власть в свои руки и стали «соправителями»! Правая и левая руки Саввы Лукича, «хозяина». Ну, и как тут петь? «Слава Кай-Куму, слава Фарра-Тёте, слава Савве Лукичу»? В размер не влезает. Да и к «славе» надо что-то добавить! Почему же Булгаков такие имена выбрал? Что-то же он имел в виду! Решили попробовать с ходу. Сидим у композитора. У поэтессы нашей в руках книжечка — «Призывы и лозунги» брежневских времен. Композитор ударяет по клавишам:

«Вы к победе нас ведете!
Вам любое по плечу!
Слава... куму!
Слава тёте!
Слава Савве Лукичу!»

Надо же, да если отбросить первые части «диких» имен, что ж получается? Правят-то Савва Лукич, кум да тетя! Извините, Михаил Афанасьевич, проморгали...

«И пораженье от победы ты сам не должен отличать» — это утверждение Пастернака остается для меня загадкой. Я всегда полагал, что наоборот, по крайней мере в театре. Но в данном случае действительно теряюсь. Что это было? Провал? Удача? Спасибо артистам! Всех помню, на ком держался спектакль и кому он был обязан успехом в особо счастливые для него дни.

Да-а, веселый получился очерк. Везти в редакцию или подождать 21-го?

Еду. И опять же вряд ли поверите: в троллейбусе рядом со мной плохо одетый человек. Вполне трезвый, но говорит сам с собой. Прислушиваюсь:

— Ехать! Ехать! На миноре ехать! Мажор отпадает!

Булгаковщина!..

Юрий МОЧАЛОВ,
режиссер,
кандидат искусствоведения.

Та же печка, вид сзади.

Регистрация администрации
Демонстрации
Бомжеубежище
Душевая распродажа

В. КРАСОВСКИЙ

Булгаковская хроника

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ввиду последних постановлений правительства выступление в нашем варьете иностранного артиста мсье Воланда отменяется. Билеты действительны по окончании операции по обмену червонцев.

ФИРМЕННЫЕ УСЛУГИ

Поцелуй Геллы.
Улыбка Азазелло.
Пожарчик по-массолитовски.
Погромчик квартир а-ля Маргарита.
Отучивание от вранья по-бенгальски.

Разговорчики в строю

Бывлогвардейщина

— Дневальный должен стоять и подавать сигналы точного времени.

— Согните пальцы в локтях.

— Вчера я прошелся под вашими кроватями, мне непонятно, как вы там живете.

— Что вы здесь стоите? У вас что, нет языка постучаться?

— Дневальный не должен выходить за радиус квадрата своей тумбочки.

— Было десять ведер. Я их здесь не ем, мне жена на базар пойдет и купит.

— Забор как вчера упал, так и стоит.

— Командирам групп проверить карабины выборочно у каждого.

Из коллекции С. Самойленко

Влад. АЛЬБИНИН

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Праздники узнаем по флагам и музыке, будни — по пустым прилавкам, женщин — по глазам, мужчин — по усам, рабочих — по одежде, интеллигенцию — по портфелям, национальность — по паспортам, о том, что у них происходит,— по телевизору, о том, что с нами будет,— из призывов... Боже, как хочется не узнавать, а ощущать всех и себя счастливыми уже сегодня!

Минздрав СССР предупреждает: нужных лекарств в продаже нет и не будет!

Я спрашиваю егеря в городе Муроме:

— Не пойму, идет у вас тут перестройка или нет?

Егерь отвечает:

— Да какая там перестройка! К нам еще не все телеграммы от Брежнева дошли...

Современная Душечка с первым мужем болела за «Спартак». Со вторым — за «Динамо». С третьим сейчас болеет за сборную Израиля... Вся жизнь как на ладони!

Был итальянский криминальный сериал про «Спрут». «Спрут-1», «Спрут-2», «Спрут-3»... Я предлагаю снять наш, советский «Спрут». Например, о квартирных кражах. И назвать фильм «Спрут всё!».

Из предвыборной речи кандидата в депутаты: «В последнее время стала особенно остро ощущаться нехватка полного изобилия...»

И. КЛЮЧИКОВ

ВОТ ВОПРОС!

Умный в гору не пойдет.
А дурак — наоборот.
Даже если нет причины.
Если даже не с руки...
Неужели все вершины
Покоряют дураки?

В. РОМАНОВ

ПОБАСЕНКА

На двери в терем-теремок
Висел большой-большой замок
И размышлял: «Как я могуч,
Когда ко мне потерян ключ!»

К. ВИКЕНТЬЕВ

ЗАДАЧА

Продавец X.Y.Zеков скопил на дачу, недодавая сдачу. Постигла неудача: попал в телепередачу. Стоимость удачи ушла на передачи. Вопрос задачи: не лучше ли дачи приобретать иначе?

ЭПИТАФИЯ

Родился в Богородском, коптил небо в Коптеве, сосал лапу в Медведкове, пока не нашел уютное местечко в Теплом Стане, с женой порвал в Кускове, отчего долго сетовал в Сетуни, не вязал лыка в Лыкове и, наконец, разбил жизнь в Черепкове, отдав душу в Чертанове. Похоронен в Аминьеве.

ПРИКАЗ

За многолетнюю бескорыстную работу наградить ревизора ОБХСС тов. Инова И. И. бесплатной денежной премией.

Нехорошая квартира

Будет ли в Москве музей М. Булгакова?

Так вот случилось, что Булгаков, крепко и честно вмонтировавший в отечественную словесность адреса́ каждого своего местожительства, указал в «Мастере и Маргарите» точное место наиболее странных событий. И масса читающего люда, как только получила в конце 60-х журнал «Москва» с романом, тут же вычислила, по какому адресу правил бал Сатана, а заодно и проживал Михаил Афанасьевич в 20-е годы. Тут произошло непредвиденное и беспрецедентное: потрясенная масса, одушевленная демоническим читательским восторгом, стихийно потянулась к «нехорошей квартире» № 50 дома № 10 по Большой Садовой.

Сегодня и любой исследователь может увидеть воочию, как выглядит народная тропа к дому гения. И видят. Западные. Они уже не одну диссертацию сделали на этом уникальном факте — подъезде Булгакова.

Неисчислимые плоды народной мудрости, тесными рядами испестрившие стены, пол и потолок, все эти граффити, росписи, афоризмы и поучения, клятвы в любви к автору и его героям, равно как и горестные итоги житейских наблюдений — не просто оригинальное свидетельство жизненности и полнокровия современного городского фольклора. Они живой итог наимасштабнейшего читательского референдума. За эти годы, по самым скромным подсчетам, на булгаковской лестнице побывало несколько миллионов человек. И поток не убывает. А значит, народ проголосовал — народ выразил свою волю ногами: быть в центре Москвы не просто мемориальной «точке», не стандартной музейной экспозиции, людям нужен живой, неповторимый Дом Булгакова!

Однако такового не было, нет и неизвестно, когда будет.

Обратимся к фактам. 20 лет народный вал самостийно шел к пятидесятой квартире, раздражая ее законных обитательниц — поселившиеся в «нехорошей квартире» конторы. Меры были приняты: в 1987 году в Гослитмузее состоялось заседание, посвященное проблеме булгаковского музея, вернее — его отсутствия. Создали экспертно-координационный общественный совет, который, в свою очередь, почти через год провел обсуждение вопроса: где же все-таки открыть этот булгаковский музей?

Большинство здравых голосов склонилось в пользу очевидности: в доме № 10 на Садовом кольце.

Тут появилось новое действующее лицо. Из массы поклонников Булгакова выделилась скромная женщина, инженер той самой фирмы Минмонтажспецстрой, что вела свои профессиональные штудии на коммунальной жилплощади Михаила Афанасьевича. Эта женщина, Наталья Геннадиевна Романова, проведя немало времени по долгу службы в «нехорошей квартире» и отлично изучив мистическую лестницу с народными росписями, получила такую дозу облучения булгаковской энергией, что сделала делом своей жизни интересы писателя. Она связала руководство Минмонтажспецстроя с Гослитмузеем и Министерством культуры РСФСР. Состоялись переговоры о том, что Минмонтажспецстрой, арендатор дома, уступит четыре квартиры для создания «булгаковской зоны». Таким образом, подъезд начинался вперемежку конторой и музеем. Поэтому Наталья Геннадиевна обратилась к более пробивной общественности в лице Элема Климова, которого эта «вперемежка» тоже озадачила: вновь для Булгакова коммуналка! В конце 1988 года Климов совместно с академиком Лихачевым направили письмо лично Горбачеву. Весной 1989 года Горбачев ответил: хорошо бы решить вопрос.

Узнав пожелание главы государства, тогдашний Моссовет выполнил его на свой лад. Квартиру № 50 отписал литмузею, выделил ему для создания филиала и хранения фондов еще три квартиры по соседству, а в знаменитом подъезде, сохранив коммуналку, расположил-таки организации, может быть, не очень знаменитые, но зато полезные: Жилсоцбанк и финуправление Краснопресненского района, на территории которого и разворачивается эпопея. Что же касается фасада знаменитого дома, то Моссовет счел, что лучше всего для писателя будет размещение в фасадных помещениях дома культурно-торгового центра Азербайджана.

Однако и поклонники Булгакова оказались неробкими. Вновь Климов вступает в битву. Встречается с тогдашним главой Моссовета Сайкиным (на чьей совести предыдущий проект). 1989 год завершился очередным заседанием. На него собрались представители уже не только литмузея и Моссовета, но и творческих союзов — кинематографистов, писателей.

...Кажется, вот и намечается хэппи-энд. Однако дьяволиада продолжается. И решение Моссовета, и его поручение главному управлению культуры исчезли, не достигнув адресатов. О них скромные труженики аппаратного фронта оказались просто... не осведомлены. Мистика!

Время шло. Теперь уже райсовет собирал совещания и то по крохам отрезал что-то литмузею, то благодетельствовал его соседей. Оставшихся жильцов то выселяли, то оставляли в покое. Ходоки перемещались по инстанциям, проторили новые тропы аж до самого Губенко. Боже мой! В Москве так мало общедоступных культурных центров — сама жизнь подсказывает открыть таковой в избранном всенародно доме. Не просто мемориал — родник сегодняшней творческой жизни; залы современного молодого писателя и начинающего драматурга, сценические площадки для театральных новинок, библиотека, мировой центр по изучению наследия писателя, наконец, место встреч творческой интеллигенции не по цеховому принципу, а по эстетическому вероисповеданию. Тут должен вырасти тот культурный центр, которого по сию пору в московском центре нет!

Минула половина 1990 года. Общественность, замученная совещаниями и обещаниями, изморенная исчезновением договоров и протоколов, вышла из говорильного марафона. 5 июля прошлого года состоялась учредительная конференция новой общественной организации — Булгаковского фонда. Его председателем стала М. О. Чудакова. Начался период оформления, утверждения расчетного счета и прочие радости самостоятельности. В то же самое время был открыт воскресный музей Булгакова, который хоть капельку насыщал народный интерес к творчеству писателя.

А тем временем не выдержала наконец воландовская свита. Вскричала что-то гневное, вроде того: чего, мол, *воландаетесь?* И отреагировала в своем экстравагантном стиле, в октябре прошлого года устроив на чердаке великолепный пожар. И добилась своего: учреждение, по-прежнему квартировавшее на жилплощади будущей экспозиции, спешно покинуло апартаменты. Но бал Сатаны продолжился. Когда тушили пожар, проломили потолок. А пока решали, как быть, грянул мороз, и полетели трубы.

Что же сейчас? Идут, продолжаются споры: как ремонтировать? Райисполком обещал оплатить смету Булгаковскому фонду, но когда компетентная организация назвала цифру (150 тысяч), стушевался. Нет у Краснопресненского исполкома таких денег. И не будет. Вот и стоит фонд, повторяя: «Подайте копеечку...» Ищем, мол, такую организацию, которая по-хозяйски оценила бы все возможности нового булгаковского жилья в центре Москвы и взяла бы над ним покровительство.

Ах, если бы все это сбылось!

Нет, друзья, я верю: к следующему, двухсотлетнему юбилею Булгакова мы будем иметь в Москве уникальную достопримечательность! Достойную Москвы 20-х годов, а также этих самых, неповторимых, в которых еще как-то существуем все мы...

Но это будет уже без нас.

Марина КНЯЗЕВА.

Александр ХОРТ

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА

Одним из последних произведений М. А. Булгакова, вошедших в наш круг чтения, стала повесть «Собачье сердце», по сюжету которой добрый пес Шарик волей профессора Преображенского и его ассистента Борменталя превращается в Полиграфа Полиграфовича Шарикова — ничтожного человечка. Человечек ничтожен, зато претензии... Помните, например, ту сцену за обедом, когда профессор спросил, что Шариков читает.

«— Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его дьявола — с Каутским.

Борменталь остановил на полдороге вилку с куском белого мяса, а Филипп Филиппович расплескал вино. Шариков в это время изловчился и проглотил водку.

Филипп Филиппович локти положил на стол, вгляделся в Шарикова и спросил:

— Позвольте узнать: что вы можете сказать по поводу прочитанного?

Шариков пожал плечами.

— Да не согласен я.

— С кем? С Энгельсом или с Каутским?

— С обоими,— ответил Шариков».

Столь коротко, столь колоритно эту сценку мог описать только Михаил Булгаков. У других авторов она получилась бы совершенно иной. Какой именно, я и попытался представить.

ДРУЖИЩЕ ФИЛ И СТАРИНА ПОЛ

Василий АКСЕНОВ

На исходе уик-энда, в конце недели, мы видим профессора Фила Преображенского в его личном плейбойском пентхаузе. Вместе с ним за тэйблом киряют космополит Ваня Борменталь (Иван Арнольдыч Борменталь не знал, как закалялась сталь), а также похожий на рекламу «Кэмела» Пол Шарк, смесь бульдога с носорогом. Участники кайфа набрались до такой степени, что полуостров им казался островом.

Как всегда неожиданно, дружище Фил задал попсовый вопрос.

— Скажи, плиз, старина, ты читаешь что-нибудь, кроме похабных лозунгов, «телег» энд «Геральд трибюн»? — обратился питерский интеллектуал к собутыльнику с песьим фэйсом.

— Йес, май фрэнд,— протявкал в ответ старина Пол, уписывая супервалютного омара.— Переписочку Энгельса с его политическим оппонентом.

Тирада Шарка заставила Фила поперхнуться пепси-колой. Сам Шарк под шумок засандалил бутылёк. Джина с тоником. И что-то клево бормотал Иван Альбертыч Борментал: «Шарики вы мои, ролики, крестики вы мои, нолики, фокусы-покусы, еники-беники»...

Осоловевший профессор заталдычил своими челюстями из джинсовки о том, что ему невтерпеж знать мнение старины Шарка о прочитанном.

— Блевотина, дружище.

Фил Преображенский начал выяснять, от кого из корреспондентов диссидента Шарка тошнит больше.

— От обоих больше, дружище,— икнув, признался старина Пол.— Особенно от обоих.

И что-то вякал о ментах Иван Архипыч Борментах.

СОЗВЕЗДИЕ ЧЕЛОБАКА

Фазиль ИСКАНДЕР

Они сидели во дворе под сенью развесистой чинары. Они — это дядя Филипп, его племянник Вано Борменталь и их детище Полиграф Шарико, помесь человека и собаки, которую вся ученая братия несколько напыщенно именовала челобаком.

— А я умею читать,— сообщил между долгими тостами Полиграф таким тоном, словно его об этом кто-то спрашивал.

— Что же ты читаешь? — спросил дядя Филипп, делая вид, что ему это безумно интересно.

— Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола, Каутским,— наморщив лоб, сказал челобак, как бы намекая на свою обширную начитанность, из-за которой в голове слегка перемешались все названия.

При этих словах Вано Борменталь остановил на полпути между тарелкой и своими молодыми зубами початок кукурузы, а у дяди Филиппа расплескалась «изабелла». Шарико в это время проглотил чачу, закусив чуреком.

Дядя Филипп, словно охотник, боящийся спугнуть крупного перепела, спросил с некоторым оттенком вкрадчивости:

— Шарико, что ты можешь сказать по поводу прочитанного?

Челобак пожал плечами, словно удивляясь непонятливости собеседников:

— Да не согласен я.

Почему-то такой подробный, вразумительный ответ не удовлетворил дядю Филиппа, и он продолжал допытываться:

— С кем не согласен? С Энгельсом или с Каутским?

— С обоими,— ответил Шарико упрямцу, якобы намекая на то немаловажное обстоятельство, что у него имеется собственное мнение о понятиях, отражающих капиталистическую стадию развития общества.

ЧИТАЯ КАУТСКОГО

Владимир СОЛОУХИН

С некоторых пор Полиграф не на шутку пристрастился к чтению.

Тут надобно прерваться и сказать пару слов если не о Полиграфе, то по крайней мере о чтении. Оно издревле популярно у нас в народе. Одно время я даже выписывал для себя фамилии заядлых книгочеев. И не просто фамилии, а даже составлял маленькие анкетки. Так вот что интересно — среди них были представители разных социальных слоев: сестры милосердия, урядники, чистильщики обуви, великие князья, судовладельцы, калики перехожие, приказчики мануфактурных лавок, лилипуты и даже библиотекари. Ну, а ежели я начну перечислять читаемые людьми книги, попаду в смехотворное положение, ибо имя им легион: «Война и мир», «Домби и сын», «Дедушка Мазай и зайцы» (кстати, моя любимая), «Егор Булычев и другие» и другие.

Что касаемо Полиграфа, то он всем иным жанрам предпочитал эпистолярный. Я иноземных слов в принципе не люблю, поэтому определил бы его как переписку. При этом переписку он читал не всякую, а токмо Фридриха Энгельса с Карлом... как его, дьявола, Каутским.

Кстати, прознав о подобном влечении, милейший Филипп Филиппович Преображенский был удивлен немало. Он даже поинтересовался в присутствии доктора Ивана Арнольдовича, как Полиграф оценивает взгляды обоих корреспондентов. Шариков ответил, что категорически не согласен ни с тем, ни с другим.

Видать, даже собачьему сердцу неприятственно сознавать, что Каутский во время оно был ренегатом. (Хотя лично я больше люблю русский синоним этого слова — «паскуда».) Ну, а почему Полиграф с Энгельсом не согласен, я даже писать не буду. И так все ясно.

Мих. КАЗОВСКИЙ

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ...

Современная фантазия в булгаковском духе

Однажды зимою, в середине января, когда в земле тихо и неотвратимо лопались водопроводные трубы, в магазинах невозможно было купить хоть немного подсолнечного масла, а почти во всех варьете дрыгались в танце голые ведьмочки — несколько костлявые при отсутствии калорийного питания, с синеватым отливом кожи при плохом отоплении залов,— в достопамятной квартире № 50 собралась прежняя компания. На широкой кровати, застланной черными шелковыми простынями и прочим полузабытым постельным бельем, возлежал мосье Воланд, выставив больное колено, на которое обнаженная Гелла щедро лила недоступный по аптекам змеиный яд. Азазелло с угрожающе торчащим клыком бешено давил грязным пальцем клавиши компьютера: на экране неистовый шарик выбивал разноцветные электронные кубики. А Фагот гаденько хихикал и все время ронял пенсне, без конца листая сексуальные руководства, стибренные им на Пушкинской площади у кооперативных торговцев. Сатана и его свита, вновь явившиеся в Москву, постигали нынешнюю столичную жизнь.

— А где Кот?— спросил Воланд, медленно подняв набрякшие веки; нынешний «парниковый эффект» плохо действовал на его коленную чашечку.

— Он шалит в высших сферах, мессир,— отозвался Фагот.— Можете включить телевизор — убедитесь сами.

Воланд взял лежащий на кровати пульт дистанционного управления и, направив его на противоположную стену, остро заточенным ногтем надавил на кнопку. Тут стена засветилась, как большой экран. На экране возникло круглое лицо человека в круглых очках, очень напоминавшее Кота. Волосы его стояли торчком. Губы масляно улыбались.

— Эйн, цвей, дрей! — произнес человек, щелкнув пальцами.

После этого на экране появилась многотысячная толпа: все смотрели наверх, жадно следя за небом, а оттуда, как дождь из тучи, низвергались потоки то зеленых, то коричневых ассигнаций. «Мне, мне, сюда!» — закричали люди, яростно хватая кувыркавшиеся в воздухе деньги.

— Эйн, цвей, дрей! — снова произнес плотоядно улыбающийся человек, и в момент ассигнации в руках у народа превратились в ничего не значащие кусочки бумаги. Публика застыла в недоумении.

Воланд, брезгливо сморщившись, выключил телевизор.

— А в Москве все по-прежнему.— Он вздохнул.— Ничего практически не меняется.

— Да, мессир,— отшвырнул последнюю газету Фагот.— Мы в Москве опять не нужны. Ваш порядок здесь непоколебим!

— Мастера на них нет! — усмехнулась Гелла.

— И пока Москва без Мастера — я спокоен,— подтвердил царь Тьмы. Он задумчиво смежил веки.— Буду править бал, как и раньше...

Приватный разговор с классиками

Нет, что ни говорите, а верить кому-то надо. Вон как хорошо с Кашпировским было: раз-два-три — и голова не болит. Только вот ведь исчез с экрана, и мы опять все в рубцах, язвах и заикаемся. Еще предсказателям супругам Глоба верили — так эти вообще обманули. Сказали, что аргентинцы на футбольном чемпионате победят. Нет уж, хватит, обожглись! Лучше кому-нибудь надежному верить. Так сказать, вечным авторитетам. Вот мы и решили под сенью булгаковских мистификаций провести... спиритический сеанс! А почему бы нет? Проконсультироваться по текущему моменту с классиками — кто явится. Кстати, сомневающимся в пользе эксперимента Достоевский в свое время ответил так: «Во-первых, пишут, что духи глупы.., что когда их зовут и спрашивают (столоверчением), то они отвечают все пустячки, не знают грамматики, не сообщили ни одной новой мысли, ни одного открытия. Так судить — чрезвычайная ошибка».

Итак, дорогие читатели, была не была, тушите свет! А вот и авторитеты... Рассаживаются. Только успевай спрашивать!

— Здравствуйте! Что же происходит в наше «смутное время»?

ГОГОЛЬ. В это время все наши чиновники... и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделались по крайней мере на целые восемь лет заклятыми политиками.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. Как будто провиденциальная наша задача именно в том и состоит, чтобы все без остатка в три дня разрушить и в сто лет ничего не воздвигнуть.

ЧЕХОВ. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее... Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего.

ДОСТОЕВСКИЙ. Из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства, произошел социализм политический, сущность которого, несмотря на все возвещаемые цели, покамест состоит лишь в желании грабежа... а затем «будь что будет».

ГОГОЛЬ. Десяток людей сражаются между собою.., с обеих сторон крайности, не соединяющиеся никаким образом друг с другом: те и другие сражаются друг против друга уже выведенными результатами, не давая никому отчета, как они дошли до своих результатов, и хотят, чтобы это понятно было всем... Многие из них в существе своем люди добрые, но теперь они доведены до того, что им трудно самим и они упорствуют и задорствуют, потому что иначе — нужно им публично самих себя, в лице всего света, назвать дураками... Но оставим теперь в сторону, кто кого больше виноват... Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность.

ЧЕХОВ. Деньги пропали!

ДОСТОЕВСКИЙ. Отчего у нас все лгут, все до единого?

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. Обыватель простодушен и ежели видит, что на него наступают с тем, чтобы горло ему перекусить, то уклоняется, но когда его потихоньку неведомо где сосут, он только перевертывается.

ГОГОЛЬ. Дело в том, что... уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнейшее всякого законного.

ПУШКИН. Болдырев был в отчаянии.

ГОГОЛЬ. Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов.

ГРИБОЕДОВ. Поспорят, пошумят и... разойдутся.

ПУШКИН. Фарса наших депутатов... имела в Европе свое действие.

ДОСТОЕВСКИЙ. Молодой человек у нас бросает все и бежит в Америку, «чтобы испытать свободный труд в свободном государстве»... Там, в Америке, какой-нибудь гнуснейший антрепренер морит его на грубой ручной работе, обсчитывает... Положим, мы... великая держава; но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит — гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурной признак... Мы покамест всего только лепимся на нашей высоте великой державы, стараясь изо всех сил, чтобы не так скоро заметили это соседи... То, что они ничего не понимали в нас до сих пор,— в этом была наша великая сила. Но в том-то и дело, что теперь, увы, кажется, и они начинают нас понимать лучше прежнего...

ЧЕХОВ. Русский человек, например, ужасно застенчив, когда дает или предлагает, зато просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку... В низших слоях развита и веками воспитана страсть к нищенству, попрошайничеству..., а в средних и высших — ко всякого рода одолжениям, любезностям, пособиям, заимствованиям...

ГОГОЛЬ. С русским ли человеком не наделать добра на всяком поприще! Да его стоит только хорошенько попрекнуть, назвать его бабой и хомяком, загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вот, де, говорит немец, что русский человек ни на что не годен,— как из него уже вмиг сделается другой человек.

ДОСТОЕВСКИЙ. И говядины хватило бы по три фунта на человека, как мечтают наши русские социалисты...

...На этом месте, уважаемый читатель, увы, прервался любопытный разговор, затеянный классиками по нашему хотенью посредством столоверченья. Мы же, опомнясь, сообразили, что все услышанное и прежде нам было знакомо — так сказать, по первоисточникам.

Стол вертели Н. ГРАЧЕВА и А. СМИРНОВ.

Дьяволиада

21-го года клубится и в 91-м году

«Итак,— сладко продолжал хозяин,— чем же вы нас порадуете? Фельетон? Очерки?.. Вы не можете себе представить, до чего они нужны нам».

Нет, на этот раз не фельетон и не очерки. Здесь ваши письма, читатель. Натурально, порадовать они вряд ли кого могут, но нужны — очень. Потому что

«— Товарищ Коротков, идите жалованье получать...

«Выдать продуктами производства. За т. Богоявленского — Преображенский»...

— Церковное вино,— всхлипнув, ответила соседка.

— Как, и вам? — ахнул Коротков.

— И вам церковное?..

— Нам — спички,— угасшим голосом ответил Коротков...»

«К СВЕДЕНИЮ ТАГИЛЬЧАН

...Ввиду того, что нет ресурсов на талоны «Мука», он будет использован следующим образом: на человека — пять коробок спичек (в этом месяце)».

(Из присланной читателем Г. УРНЕВЫМ газеты «Тагильский рабочий» от 24 января 1991 г.).

«— Где бюро претензий, товарищ?

— 8-й этаж, 9-й коридор, квартира 41-я, комната 302,— ответил чайник женским голосом.

— 8-й, 9-й, 41-я, триста... триста... сколько бишь... 302... 8-й, 9-й, 8-й, стоп, 40... нет, 42... нет, 302...»

Находясь на учебе в США, мой сын Чубарев Игорь выслал мне ко дню рождения восемь кассет для магнитофона. Обернулся подарок набором цифр. Вот они. Мешок № 8110, вес 2.050, время отправки 10.12.90.16, Кишинев — отделение пересылки почты 92610. Подавательский номер посылки 31622. Пошлина 35 руб. 95 коп. Накладная на почту, отправленную из МЖД участка Кишиневского ПЖДП. Вал № 031622. Вес 0.650... А кассеты исчезли. С ними декларация и досмотровая роспись.

А. ЧУБАРЕВ, г. Тамбов.

«— Ах, беда-то, вот уж беда,— бормотал Коротков,— это уж всем бедам беда».

Пришлось мне в Иркутске хоронить одинокую старушку. Кладбище — по Александровскому тракту. Бросилась я в спецбюро УКХ. Оформили мне там счет-заказ. Оплатила все услуги, в том числе доставку земли на могилу, плиту, рабочих. Деньги взяли большие.

Наступил час похорон. Катафалк опоздал. Прибыли на кладбище. Прямо у ворот трое молодцов: «Кому деньги платила, тот пусть и хоронит». Рядом с могилой холм промерзшей глины, землю не подвезли. Спрашиваю: «Где плита?» «А вон,— говорят,— на горе цех, там их делают. Неси сама». Все-таки заставила я их долбить глину ломами; старички, что пришли проводить покойницу, помогают. Сама пошла в цех. «Где,— говорю,— плита?» «Нету,— отвечают,— материала. А мы вон уже полкладбищу плиты должны. Начальству говорим, чтобы деньги за них заранее не брали, а они не слушают. Берут». Так и ушла. Похоронили мы старушку. И почти всю работу ее друзья-сверстники сделали. Вот такой сервис! А старушка-то была очень трудолюбивой, умелой, добросовестной. 60 лет отработала. И человек порядочный. Обидно.

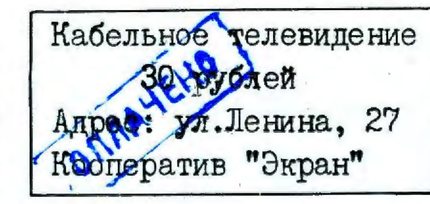
И. ИВАНОВА, г. Ангарск.

«— И чудесно. Вот я вас и арестую.

— Меня нельзя арестовать,— ответил Коротков и засмеялся сатанинским смехом,— потому что я неизвестно кто».

17 января в подъездах домов на улице Крылова появились объявления: в ближайшие дни жильцам оставаться дома, будет проводиться кабельное телевидение. Прочитав, народ от мала до велика возликовал: вот повезло!

Утром 19 января в квартиру звонок. За дверью энергичный молодой человек, с ним девушка. Скромно так, вежливо: «Кабель будете проводить?» — «Конечно!» — «С вас тридцатник за установку». Выдал. «Вот тут распишитесь, что уплатили. А это вам». И подает обрезок бумаги: квитанция не квитанция, но с адресом и штампом.

Кабельное телевидение
30 рублей
Адрес: ул.Ленина, 27
Кооператив "Экран"

«Завтра с десяти до пятнадцати будьте дома: придут проводить». — «А нельзя ли часиков до одиннадцати? Мы всей семьей должны уехать на день рождения». — «О, пожалуйста. Мы галочку вот тут поставим, просьбу учтут». И вышли. В другую квартиру. Надо же — такие любезные.

Назавтра ждем. 10 часов. 11, 12... Уехали, не дождавшись. Вернулись. А специалистов так и не было. Съездили на Ленина, 27. Там — глазная поликлиника. Окулисты предложили промыть нам глаза. Бесплатно. А «Экрана» по этому адресу никогда не было.

Выяснилось: «специалисты» работали в четырех 120-квартирных домах. С каждого дома за какие-то два часа — по 3600 рубликов. Вот это мастера!

Милиция их теперь, конечно, ищет. Фоторобот одного даже по телевидению показывали. Правда, не по кабельному.

М. РУКОСУЕВ, г. Абакан.

«...Он поел вчерашней скользкой картошки, потом опять, вернувшись к проклятой загадке, немного поплакал... «Пирамидону бы...» — шептал он долго, пока мутный сон не сжалился над ним».

Дорогой Крокодил! Нуждаюсь в компьютере, способном точно разделить на 90 дней (квартал) 0,5 л растительного масла, 1 кг рожков, 1 кг поваренной соли «Экстра»...

М. ПУТИНЦЕВ, Бурятская АССР.

«— Да ведь они же не горят! — вскричала Александра Федоровна...

— Как это так, не горят? — испугался Коротков и бросился к себе в комнату...

Всю ночь Коротков не гасил огня и лежал, чиркая спичками. Вычиркал он таким образом три коробки, причем ему удалось зажечь 63 спички.

— Врет, дура... прекрасные спички».

Распродавать землю у нас стали задолго до того, как вопрос о земле был включен в повестку дня заседания Верховного Совета России. Правда, счет идет не на гектары или квадратные метры — на килограммы. По 46 копеек за кило. Но с нагрузкой: налипшим на комья земли подгнившим картофелем.

Везет дачникам: нет теперь заботы, где взять землю для огородной рассады. Стоит только наведаться в овощной магазин.

К. КУЗНЕЦОВ, г. Комсомольск-на-Амуре.

Как я был Сатаной

В жизни есть место мистике. Имела она место и в моей жизни. Больше того, я был в какой-то мере носителем мистического начала. Не из злого умысла, а по стечению обстоятельств. Я не хотел никому голову дурить, но так получилось.

А вышло вот что. Коллектив редакции журнала «Крокодил» совершил культпоход в Театр на Таганке. Там давали «Мастера и Маргариту». Особенно мне запомнился персонаж, у которого на голове сидела живая мышка. Он мне запомнился по двум причинам: во-первых, меня поразило, что мышка чувствовала себя на голове актера как дома и никуда не убегала, во-вторых, мышка сидела на голове актера Готлиба Ронинсона, который мне очень нравился — я его заприметил еще в довольно безликой труппе Театра драмы и комедии (впоследствии его здание и перешло к Любимову с Ронинсоном в придачу, чему я был очень рад).

Мистика началась на следующий же день после культпохода. Я тогда сидел в приемной редакции, куда и позвонил некий аноним.

— С вами говорит актер одного из московских театров,— сказал он.— Позвольте мне не представляться, так как я буду просить не за себя. Я хочу, чтобы вы помогли другому человеку.

Я позволил анониму не представляться, тем более что сразу узнал голос Ронинсона — как не узнать, если я накануне был на спектакле с его участием!

— Ваша фамилия мне действительно ни к чему,— сказал я.— Но мне хотелось бы знать, как зовут мышку, которая вчера сидела у вас на голове.

Последовала многозначительная мхатовская пауза, которой, по всей видимости, не гнушались и на Таганке.

Дальнейшая речь разоблаченного анонима носила прерывистый характер:

— Вы провидец... Как вы узнали, кто звонит? Откуда вам известно про мышку... что она вчера сидела на голове? Нет, это подозрительно... Нечисто тут... Я подумаю и, может быть, перезвоню...

Очевидно, он не считал себя популярным артистом. В кино его снимали редко, а слава театрального актера не такая громкая. Не привык человек к славе, оттого и удивился, что я опознал его по голосу.

Я не знаю, о чем он думал, повесив трубку. Возможно, о том, что здесь не обошлось без компетентных органов, которые неизвестно зачем следят за каждым его шагом, подслушивают телефонные разговоры и даже партнершу-мышку держат под неусыпным контролем.

Возможно, он склонялся к мысли, что здесь замешана чертовщина, которая шагнула со сцены, из спектакля по Булгакову, в повседневную действительность. И он, набрав номер, соединился с самим Сатаной.

Все же он перезвонил. То ли в нем возобладало материалистическое мировоззрение, то ли он решил проверить свои догадки как насчет Сатаны, так и компетентных органов. А может, и понял, что я был на вчерашнем спектакле и узнал его по свежим следам.

— Меня потрясла ваша осведомленность про мышку,— сказал он.— Надеюсь, на этом ваша информированность обо мне исчерпана?

— Не совсем,— ответил я.— У меня есть данные, что во второй половине пятидесятых годов вы любили ходить в читальный зал, который находился в одном доме с рестораном «Эльбрус», на берегу Москвы-реки, около моста, и вести беседы о прочитанном с библиотекаршей Мариной.

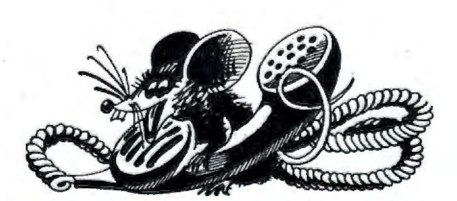
После этих слов мой собеседник пошел на рекорд, обогнав всех известных корифеев сцены в умении держать сверхдлительную мхатовскую паузу.

Выйдя из клинической паузы, он пропел «Сатана там правит бал...» и повесил трубку.

Напрасно мастер сцены принял меня за Сатану. Просто в школьном возрасте я жил в одном микрорайоне с ним и занимался в читальном зале, куда частенько захаживал и он.

А мистика в том, что он позвонил именно мне.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

Необходимо угадать пропущенные слова, обозначенные [?]

По горизонтали («МАСТЕР И МАРГАРИТА»): 5. «А тут еще кот выскочил к рампе и вдруг рявкнул на весь театр человеческим голосом: — Сеанс окончен! [?]! Урежьте марш!!» 6. «Первый был не кто иной, как Михаил Александрович [?], председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ». 9. «— Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил,— мужественно признался преображенный поэт. — [?]? — строго спросил гость». 12. «— Сим удостоверяю, что предъявитель сего Николай Иванович провел упомянутую ночь на балу у сатаны, будучи привлечен туда в качестве перевозочного средства... поставь, Гелла, скобку! В скобке пиши «[?]». Подпись — Бегемот». 13. «Нетрудно догадаться, что толстяк с багровой физиономией, которого поместили в клинике в комнате № 119, был Никанор Иванович [?]». 14. «...И вот заходит ко мне в [?] молодой человек, дает червонец, я сдачи ему восемь с полтиной. Потом другой. ...А сегодня стал проверять кассу, глядь, а вместо денег — резаная бумага». 17. «...под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной. Это была отрезанная [?] Берлиоза». 18. «— Римского прокуратора называть — [?]. Других слов не говорить. Смирно стоять». 19. «За огромным письменным столом с массивной чернильницей сидел пустой [?] и не обмакнутым в чернила сухим пером водил по бумаге». 21. «— Это [?],— сказал мальчик,— у него есть рогатка». 24. «... — он никакой не интурист, а [?] . Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...» 25. «Ее нагота вдруг стала стеснять ее. Она поднялась из-за стола. Воланд молча снял с кровати свой вытертый и засаленный [?], а Коровьев набросил его Маргарите на плечи». 26. «Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий [?]». 29. «— Не желала бы я встретиться с вами, когда у вас в руках [?],— кокетливо поглядывая на Азазелло, сказала Маргарита». 30. «— [?]! Взять ее! — таким страшным голосом прокричала супруга Семплеярова, что у многих похолодели сердца». 31. «— Десятки реализовать не удастся,— ввязался все тот же голос, леденя сердце буфетчика,— по смерти Андрея Фокича дом немедленно сломают и десятки будут отправлены в [?]».

По вертикали («СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»): 1. «Пишите удостоверение, гражданин профессор. Что так, мол, и так, предъявитель сего действительно [?]. Полиграф Полиграфович, гм... зародившийся в вашей, мол, квартире». 2. «У нас есть ордер на обыск в вашей квартире и,— человек покосился на усы Филиппа Филипповича и докончил,— и [?], в зависимости от результата». 3. «Вначале каждый вечер [?], затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее». 4. «— Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям и распевать целый день, как [?], вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел». 7. «Лабораторная собака приблизительно 2-х лет от роду. Самец. [?] — дворняжка. Кличка — Шарик». 8. «В марте 17-го в один прекрасный день пропали все [?], в том числе две пары моих...» 10. «— [?]! Это и только это. И совершенно неважно — будет ли он с бляхой или же в красном кепи». 11. «Бей их! Этого голенастого взять сейчас повыше сапога за подколенное [?] ...р-р-р...» 15. «И вот, бывало, говорят старые псы, махнет Влас [?], а на ней с осьмушку мяса. Царство ему небесное за то...» 16. «— Каждый день в цирк,— благодушно заметил Филипп Филиппович,— это довольно скучно, по-моему. Я бы на вашем месте хоть раз в [?] сходил». 20. «Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно? Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает [?]?» 21. «Кожу с бритыми волосами откинули, как [?]. Обнажили костяной череп». 22. «— Икание за столом отбивает у других [?],— машинально сообщил Борменталь». 23. «Дня через два в квартире появилась худенькая с подрисованными глазами [?] в кремовых чулках и очень смутилась при виде великолепия квартиры». 27. «...Шариков придумал новый способ. Он скатал громадную тряпку в трубку, лег животом в воду и погнал ее из передней обратно к уборной. — Что ты, [?], по всей квартире гоняешь? — сердилась Дарья Петровна. — Выливай в раковину». 28. «— Как [?] пристал,— бормотала в полумраке Дарья Петровна,— отстань! Зина сейчас придет. Что ты, чисто тебя омолодили?»

Составил В. ШЕНДРИК.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 3. Экватор. 8. Пародия. 9. Мышелов. 10. Анатом. 12. Клюква. 14. Астра. 16. Губошлеп. 18. Вездеход. 19. Подосиновик. 22. Красотка. 24. Телескоп. 26. Евнух. 28. «Фигвам». 29. Овация. 30. Склероз. 31. Розарий. 32. Стадион.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Аксиома. 2. Попытка. 4. Парниша. 5. Портье. 6. Резюме. 7. Подвода. 11. Стихия. 13. Абордаж. 15. Охранка. 17. Пудра. 18. «Виват». 20. Копилка. 21. Петиция. 23. Ковчег. 25. «Ералаш». 26. Емкость. 27. Хоровод.

Время Мастера

Глупые до сих пор уверены, будто рукописи горят.

Будто можно сжечь рукопись или арестовать и отправить в спецхран. Будто можно автора не печатать, и тогда все забудут о нем.

Это все неправда.

Если автор — Мастер, то его нельзя отлучить или опорочить. Если автор — Мастер, от него останется Нечто, что потом воплотится в строки, в главы и в собрание сочинений.

От него останется Память.

И останутся люди, знавшие его и любившие Мастера. Люди сохранят и размножат книги. И расскажут об авторе. Принесут цветы на его могилу. Предадут анафеме палачей.

От любых палачей остаются свидетели. Всех свидетелей никогда убрать невозможно.

И наоборот: если автор не Мастер, хоть сто раз тиражируй его книги, рукопись сама по себе исчезнет со временем. Массовое издание бесталанных книг только приближает их смерть. Если равнодушны читатели, нет и Памяти.

Михаила Булгакова не печатали. Он страдал, но упорно верил, что когда-нибудь придет его время.

Мастер умер в бедности и немилости.

Но остались люди, знавшие его и любившие Мастера. Память не сгорела.

И теперь Мастер с нами. Он пришел с опозданием, но пришел, как и верил. Сделал нас богаче и чище.

Он пришел и теперь уже останется навсегда: с нами, с нашими детьми и нашими внуками.

Слава Мастеру. Слава рукописям, которые не подвластны времени.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2708)
май 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

Главный редактор А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ (первый зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ (главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор Л. И. КУРЛЫКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 09.04.91.
Подписано к печати 16.04.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 396 000 экз.
(1-й завод: 1—1 846 023).
Зак. № 410. Цена 75 коп.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий» г. Свердловск, просп. Ленина, 49
Тираж 2 765 000 экз.
[3 завод 2 415 001—2 765 000].
Зак. 1840